

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ: Москва, Рождественка, дом № 9.
Телеф. 1-11-64 и 1-20-85.

КОНТОРА: Москва, Рождественка, д. 9. Тел. 1--20-85.

№ 21—22.

16 Июня 1922 года.

№ 21—22.

СОДЕРЖАНИЕ:

Статьи: „Организация адвокатуры и задачи защиты“—*Славин*. „Уголовный Кодекс и „Руководящие Начала по угол. праву РСФСР“—*Эстрин*. „Юридические товарищества“—*Е-ев*. „Споры о землепользовании на городских землях“—*Рындюковский*. „Криминально-психологические исследования при тюрьме“—*Штессе*. „Обзор советского законодательства за время с 20 мая до 3 июня с/г.“—*Аронович*. „Правые эс-эры перед судом пролетариата“—*З-цев*. Суд и жизнь: „Из повседневных заметок судебного работника“—*Никитин*. „В смертельных объятиях Достоевщины“—*П.* „Самосуд“—Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции: В коллегии Наркомюста.—Практика Высшего Судебного Контроля. Хроника: „Общество работников советского права в Москве“.—„На местах“.—„За рубежом“.—„Суд на борьбу с голодом“.—Почтовый ящик.—Официальная часть: Декрет о прокуратуре.—Декрет об адвокатуре.—Циркуляры Наркомюста.—Объявления.

Организация адвокатуры и задачи защиты *).

I.

В заседании сессии ВЦИК 24-го мая окончательно принято постановление об адвокатуре. При губернских отделах юстиции образуются коллегии защитников по уголовным и гражданским делам. Первый состав коллегии утверждается губисполкомом, по представлению губотпостов, но в дальнейшем прием членов коллегии совершается президиумом коллегии, который доводит об этом до сведения губисполкома. Последний сохраняет за собой право отвода, а также является высшей инстанцией по дисциплинарным делам защитников, рассматриваемым предварительно президиумом коллегии. Оплата защитников производится по соглашению, но для рабочих государственных и частных предприятий и служащих советских учреждений устанавливается такса. Неимущие же совершенно освобождаются от оплаты труда защитников, по особому определению суда. На коллегию также возлагается организация юридических консультаций.

Принятый сессией закон резко отличается от первоначального проекта Наркомюста в сторону большей автономии, предоставляемой коллегии защитников.

По первому проекту имелось в виду взять под контроль сделки о гонораре между защитниками и их клиентами. В свое время («Еженедельник» № 2—1922 года) мною была отмечена нецелесообразность этого предположения. Впоследствии, после 4-го Всероссийского съезда судебных работников, рассматривавшего проект об адвокатуре, Наркомюст отказался от этого предположения, но зато в дальнейшем, с другой стороны, при прохождении проекта в Малом Сов-

наркомее, в него был внесен ряд дополнительных постановлений, расширяющих права коллегии и возвращающих адвокатуру к положению быв. советов присяжных поверенных. Только в самый последний момент, во время окончательного постановочного чтения проекта, тов. Рязанов внес очень важную поправку, принятую сессией, что всякий гражданин допускается к защите, помимо членов коллегии. Этим в значительной степени подрывается монополия образующейся адвокатской касты.

Отношение старой адвокатуры к советскому суду известно, также известна и роль многих ее членов в борьбе с советской властью и в саботаже ее. Не лишены основания те опасения, что аппарат коллегии защитников может быть использован элементами, враждебными советской власти, что может выразиться в разнообразных легальных формах. Так, губисполкому должно быть предоставлено право включать в состав коллегии тех лиц, в приеме которых советом коллегии отказано. Придется, конечно, оговорить это право губисполкомов в том положении, которое имеет быть издано в дополнение к принятым сессией статьям закона, иначе совет коллегии может обратиться в могучее орудие политической борьбы.

Поскольку адвокатура будет фактически органом борьбы за революционную законность, она будет идти рука об руку с прокуратурой и деятельность ее будет всемерно поддержана и укреплена. В этой области адвокатуре предстоит громадная и благодарная работа.

II.

Казалось бы, что ныне, в условиях новой экономической политики, нет оснований к возвращению к госадвокатуре, хотя непреложным, с нашей точки зрения, остается то положение, что ин-

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

тересы судебного исследования дела обеспечиваются полностью лишь при сознании участников процесса—судьи, заседателей, обвинителя и защитника, что никто из них не заинтересован материально в исходе дела. Пока будет существовать платность защиты, естественное недоверие судебных органов к защите будет существовать, смягчаясь лишь в отношении немногих защитников, которые зарекомендуют себя наибольшей объективностью и тактом.

В условиях гражданской войны положение защиты в суде было, вообще, весьма тяжелым; тут косвенно на защите отразились следы ожесточенной борьбы рабоче-крестьянского государства с элементами, препятствовавшими ему одолеть вооруженную контр-революцию и внутреннюю экономическую разруху. Интересы успешной борьбы вызвали столь обвинительную тенденцию судебных мест, что защита встречала большое противодействие в применении тех немногих писанных норм, которые предоставляли обвиняемым широкие гарантии в процессе.

Иные объясняют тяжелое положение защиты зависимостью ее от судебных мест, отсутствием своей профессиональной организации, но правильнее искать причины в объективных условиях гражданской войны, когда суд выявлял особо острые углы этой борьбы, служа сильным орудием в этой борьбе.

Эти объективные условия изменились и сразу изменилось положение защиты в процессе, хотя эта перемена вовсе не была зафиксирована в виде самоуправляющейся организации. И будет ошибочно думать, что ее появление знаменует новую эпоху в области защиты. Как-раз, наоборот: смягчение гражданской войны создало благоприятные условия для защиты, а остальное составляет уже следствие, а не причину появления этих благоприятных условий. Это может дать повод для другого вывода, что нет оснований упразднить госадвокатуру там, где она есть (Украина), а, наоборот, восстановить ее там, где она упразднена (РСФСР) уже с 1920 года. По крайней мере, такая мысль, хотя бы по другим мотивам, была высказана в печати. Я имею в виду статью тов. Хмельницкого под заглавием: «Упразднить ли госадвокатуру (Голос с Украины)», помещенную в мартовской книге журнала «Вестник Советской Юстиции», издающегося в Харькове. Статья составляет ответ на мою статью об организации адвокатуры в № 2-м «Еженедельника».

Голос тов. Хмельницкого является совершенно одиноким; при обсуждении вопроса об адвокатуре в майской сессии ВЦИК не нашлось вовсе сторонников госадвокатуры.

Это обстоятельство не должно, однако, мешать тому, чтобы в нашей литературе вопрос о госадвокатуре получил наиболее широкое освещение. Это поможет попутно в дискуSSIONном порядке углубить вопрос о задачах защиты в современном процессе.

III.

Основная мысль тов. Хмельницкого заключается в том, что недостатки госадвокатуры—получение гонораров и психологическая оторванность от суда—дело поправимое и что нельзя

из-за этих недостатков установить самоуправляющуюся адвокатуру с большими еще недостатками.

Можно ли, действительно, уничтожить «нелегальные» гонорары?—Безусловно нет и не потому, что нет надлежащего аппарата надзора. Причины лежат гораздо глубже.

Стихийное развитие нашей революции после октября вызвало, по необходимости, упразднение старых норм и тогда незачем было оставлять особую жреческую касту адвокатов. Политически она была вредна, а защиту личности в процессе, при отсутствии писанных норм, мог вести каждый: ведь, разрешал же закон до революции уголовную защиту всякому неопороченному судом гражданину.

Сложность декретного законодательства вызвала необходимость в организации института правозащитников. Опыт не удался, так как национализация адвокатского труда не имела достаточных объективных корней в окружающей обстановке периода «военного коммунизма». Это нужно осознать и сделать соответствующие выводы. Сколько бы ни говорили о «гонораре», как о взятке, «гонорар» правозащитнику не считался взяткой: ни в глазах самого правозащитника, ни в глазах широких слоев общества, привыкших оплачивать труд адвоката и обычно питавших веру в исполнительность и добросовестность только того адвоката, который получил вознаграждение за труд. Получение «гонораров» было в действительности преступно, так как правозащитник законом был приравнен к судье в отношении содержания, и вся цель национализации адвокатского труда именно и заключалась в том, чтобы уничтожить всякие денежные отношения между защитником и подзащитным. Однако, правозащитник находил для себя моральное оправдание в том, что он посвящает значительно большее количество времени «сверхурочно» для подготовки к делам—хотя это делал и судья, и обвинитель,—что он имеет такое же право на своеобразную сверхурочную оплату труда, подобно врачу, имеющему частную практику вне времени, когда он исполняет свои обязанности в больнице или учреждении, или же подобно рабочему—слесарю, сапожнику и т. п., которые в свободные часы исполняют заказы по частному соглашению.

Тов. Хмельницкий цепляется за этот институт и верит, что получение гонораров—«скверная отрыжка старо-режимной эпохи, но она могла и должна была бы исчезнуть в новых условиях жизни и строительства России». Вера—дело хорошее, но неужели сдвиг в среде интеллигенции в сторону примирения с советской властью,—сдвиг, на который указывает тов. Хмельницкий, способен уничтожить «гонорары»? Тяжелые условия жизни вызывают иногда взяточничество, но зло именно в том, что правозащитники брали «гонорары» не только в силу крайней необходимости, как это полагает тов. Хмельницкий, но, главным образом, потому, что они не считали это взяткой. Они именно считали, что закон как бы аморален, что он ставит их в явно несправедливые условия, заставляя работать во внеурочные часы, оплачивая их скудно и т. д.

Нужно полагать, что тов. Хмельницкий затруднился бы указать, где и когда правозащит-

ники, подобно судьям, вынуждены были искать подсобного заработка в качестве носильщиков, пильщиков и т. п.

Тов. Хмельницкий пишет:

«Если прежняя адвокатура трактовалась, как продажная и наемная совесть, если представители ее вызывали отрицательное к себе отношение не только в обществе, но и в среде магистратуры, если фигура Балалайкина, запечатленная в бессмертных произведениях Щедрина, считалась типичным образом адвоката, а термин «человека, говорящего за деньги», считался характерным для обрисовки нравственной физиономии этой профессии—то становится слишком понятным, почему советская власть не считала возможным прежнюю адвокатскую организацию».

Корень ошибки, по моему мнению, заключается в том, что до сих пор ни в печати, ни в совещаниях не ставился серьезно вопрос о том, каковы ныне задачи защиты в рабоче-крестьянском суде и что внесла революция в прежнее понимание этих задач.

Я думаю, что не все средства дозволены в политике. Можно и должно было отнестись с крайним осуждением к получению «гонораров» теми адвокатами, которые шли работать в коллегии, тем подчиняясь запрещениям брать «гонорары». Можно и должно вскрывать лицемерие тех адвокатов, которые стремятся использовать адвокатуру, как орган политического объединения; можно и должно будет беспощадно бороться с теми элементами адвокатуры, которые попытаются внести разложение своей продажной и наемной совестью, но нельзя огульно обвинять всех адвокатов, хотя бы за прошлое, и шельмовать их. Ошибочность мнения тов. Хмельницкого явствует еще и из того, что ныне, постановлением сессии ВЦИК, создается почти прежняя адвокатура. Неужели тов. Хмельницкий полагает, что советская власть сознательно создает ныне явно недостойную доверия однозную организацию, ставя ее рядом с государственной прокуратурой.

IV.

Прежний У. У. С. так определял задачи прокурора и защитника в процессе. Согласно ст. 739, «прокурор в обвинительной речи не должен ни представлять дело в одностороннем виде, извлекая из него только обстоятельства, уличающие подсудимого, ни преувеличивать значения имеющих в деле доказательств и улик или важности рассматриваемого преступления».

Роль прокурора была ярко очерчена: он не должен во что бы то ни стало обвинять; ему предоставляется право (ст. 740) отказаться от обвинения, если он «находит оправдания подсудимого уважительными».

Иное положение защиты. От нее не требуется той объективности, которая вменена в обязанность государственному обвинителю. Согласно ст. 744, «защитник подсудимого объясняет в защитительной речи все те обстоятельства и доводы, которыми опровергается или ослабляется выведенное против подсудимого обвинение».

Речь защитника не была бы защитительной, если бы он во время судебного следствия и во время прений не представлял бы определенную сторону в процессе. Защитник не вправе сообщать суду о признаниях, сделанных ему подсудимым, но, с другой стороны, в интересах защиты он не обязан поддерживать те версии и объяснения, которые выдвигает подсудимый. От защитника требуется лишь чистота приемов защиты.

Обычно в буржуазной русской юридической литературе занимались восхвалением судебных уставов. Но ст. 745 царского У. У. С. не особенно лестно аттестует адвокатуру, а, именно, как недисциплинированный элемент, способный распространяться о предметах, не имеющих никакого отношения к делу, употреблять оскорбительные выражения по адресу неугодных защите лиц и т. п., вызывая соответствующие меры воздействия председателя по 611 статье. Прокуратура же, в противовес адвокатуры, мыслилась, как орган суда, для которого неуместно устанавливать правила поведения. Следует отметить, что наш Уголовно-Процессуальный Кодекс уничтожил эти прописи, унижительные для адвокатуры.

Распространенному мнению об адвокатах, как о людях, говорящих за деньги, как на «брехунцев», способствовало то обстоятельство, что адвокат выступал обычно в защиту тех клиентов, которые к нему обращались, и могли быть случаи, когда защитник взял бы на себя защиту интересов потерпевшего, если бы последний к нему раньше обратился, и наоборот.

Есть очень интересные книги П. Сергеева под заглавием «Уголовная защита» и «Искусство речи на суде», в которых, между прочим, автор доказывает, что защитник должен быть... защитником, а не изображать, вместе с прокурором, двух «потопителей» обвиняемого или, в худшем случае, меняться с прокурором ролями в судебном заседании. П. Сергеев иллюстрирует свое положение многочисленными и животрепещущими примерами из судебной практики. Защита — это искусство. Не всякому дано не только вести успешно защиту, но и не вредить подсудимому. Но если не перегибать палки, если признать, что разумная защита не может не быть односторонней, то такое признание может облегчить дальнейшее взаимное понимание судебных работников и адвокатуры. Оно тем более необходимо, что введение прокуратуры и адвокатуры, введение кодексов на первых порах обострит борьбу сторон в судебном зале.

Нужно, далее, признать за защитой право быть защитой и всемерно поддерживать ее в ее деятельности, но в то же время нужно вести беспощадную борьбу с теми элементами адвокатуры, которые будут использовать свое положение защитника для извращения перспективы процесса.

Рабоче-крестьянский суд найдет способы так регулировать деятельность адвокатуры, чтобы сделать ее полезным и деятельным помощником суда.

И. Славин.

Уголовный Кодекс и „Руководящие Начала по угол. праву Р. С. Ф. С. Р.“

I. Отношение к вопросу об опасности преступника.

Уголовный Кодекс РСФСР, вступивший в действие с 1-го июня 1922 г., не является плодом кабинетной работы тех или иных лиц. В основном своем содержании он тесно примыкает ко всему предыдущему за период пролетарской революции развитию криминалистических начал и положений как в законодательстве Республики, так и в практике наших народных судов и революционных трибуналов.

Особенно важно сопоставить Уголовный Кодекс с «Руководящими Началами по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г. (Собр. Узак. 1919 г., № 66), бывшими первым и единственным до издания Уголовного Кодекса постановлением, фиксировавшим и сводившим в систему основные положения уголовного правосудия РСФСР. Мы и попытаемся дать такое сопоставление.

Красной нитью чрез весь текст «Руководящих Начал» проходит положение, что «наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины» (ст. 10). Даже в борьбе со своими классовыми врагами пролетариат ставит себе целью не мстить, а защиту интересов революции, обезвреживание угрожающих ей преступников. Естественно, поэтому, что задачей суда при определении меры воздействия на совершившего преступление становится оценить «степень и характер (свойство) опасности для общежития как самого преступника, так и совершенного им деяния» (ст. 11). В дальнейшем изложении такую точку зрения на задачу суда мы будем сокращенно обозначать «теория опасности».

На той же точке зрения стоит и наш Уголовный Кодекс. Первая часть ст. 24 Кодекса почти буквально повторяет только что цитированное положение ст. 11 «Рук. Начал». И, понятно, почему. Передовой авангард пролетариата, выковывавший для своей борьбы мощное оружие в виде марксизма, материалистического понимания истории, далек от мысли видеть причину зла, причину преступности в «злой воле» преступника и именно на эту «злую волю» обрушиваться всей тяжестью репрессии. Как подчеркивают «Рук. Начала», «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник» (ст. 10). Это не значит, что, с точки зрения передового общественного класса—пролетариата, не должна иметь места какая-либо моральная оценка всех окружающих интересам пролетариата, а стало-быть, интересам всего общественного развития в целом, преступлений. Наоборот, мы признаем классовую пролетарскую мораль наиболее общественно-прогрессивной и от нее не отказываемся. Но было бы бесцельно и ненаучно делать уголовную репрессию проявлением морального негодования против преступника.

Институт наказания в классовом обществе имеет определенную социальную функцию и наказывать следует только тогда и только постоль-

ку, когда и поскольку наказание, оставаясь в пределах этой социальной функции, полезно для общественного развития. Социальная функция (задача) наказания ст. 8-й Кодекса определяется так: «а) общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений». Точно такое же определение вытекает из содержания ст. 8 и 9 «Рук. Начал». Наказание является мерой оборонительной, должно быть целесообразно и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий (конец ст. 10 «Рук. Начал»). Эта часть ст. 10 «Рук. Начал» буквально перешла в Уголовный Кодекс и составляет теперь его ст. 26.

Пролетарский суд стремится, таким образом, оградить преступника от лишних страданий. Не следует, с другой стороны, думать, что утверждение «наказание должно быть целесообразно» предлагает суду решать судьбу преступника только и исключительно с точки зрения полезности и целесообразности тех или иных мер против преступника. Это был бы метод суда, мало соответствующий пролетарским понятиям о правосудии. Пролетариат не смотрит и, если его не вынуждала к этому ожесточенность борьбы с нападавшими со всех сторон врагами, не смотрел на свой суд, как на сухой расчет: так покарать данного преступника мне полезно, поэтому пусть он и будет так наказан. Отказываясь от мести, как критерия наказания, беря, наоборот, исходным пунктом для определения наказания целесообразность для общества трудящихся данного наказания данного преступника, пролетарский закон вовсе не устраняет из поля своего зрения преступника, как живую и чувствующую личность, а считает необходимым привлекать на помощь при определении наказания и оценку совершенного преступником преступления с точки зрения пролетарского правосознания, которое, конечно, покоится на пролетарской классовой морали. Не даром немедленно после ст. 8 (о социальной функции наказания) следует в Уголовном Кодексе ст. 9, подчеркивающая, что «назначение наказания производится судебными органами по их социалистическому правосознанию с соблюдением руководящих начал и статей Кодекса. Именно в свете этой статьи и должен рассматриваться весь раздел III Общей части Уголовного Кодекса (об определении меры наказания) и ясно, что первая часть ст. 24, требуя, чтобы при определении меры наказания учитывались судом степень и характер опасности как самого преступника, так и совершенного им преступления, не означает нисколько, что **только** это и должен суд принимать во внимание.

Мы, как марксисты, знаем, что уже самая классовая мораль является тем компасом, по которому класс стихийно ориентирует свои действия

и свое реагирование по отношению к тем или иным общественно-вредным с точки зрения интересов данного класса явлениям. Предлагая ст. 9-й суду взвешивать наказание на весах своего социалистического правосознания, Уголовный Кодекс не отказывается этим самым от критерия опасности, а, наоборот, требует, чтобы суд положил в основание приговора как логические выводы о степени опасности преступления и преступника, сделанные из исследования судьями обстоятельств данного дела, так и классовую мудрость пролетариата в целом—его внутреннее правосознание,—дающее, в конечном счете, выражение коллективному представлению пролетариата о вреде и опасности этого же преступления.

Все же характерно, что ст. 9 Кодекса является статьей, не извлеченной из «Рук. Начал». Нам понятно, почему «Рук. Начал» не заключают этой формулировки о социалистическом правосознании, а во введении даже рассматривают необходимость в систематизации норм уголовного права исключительно с точки зрения выработки правил обуздания пролетариатом своих классовых врагов, создания **метода борьбы** с этими врагами. Если тут «теория опасности» взята односторонне, если тут палка перегнута в сторону положения, которое можно формулировать «борьба оправдывает любое наказание для того или иного преступника, если оно целесообразно», то это объясняется именно разгаром гражданской войны, крайне опасным положением, в котором находилась Советская Республика, когда составлялись «Рук. Начал», осенью и зимой 1919 г. Отметим, однако, что назначение наказания по социалистическому правосознанию коренится в самых первых начатках нашего пролетарского права, ибо уже декрет о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. в ст. 5 предлагает суду исходить из революционной совести и революционного правосознания. Затем ст. 22 Положения о народном суде (Собр. Узак. от 27 окт. 1920 г., № 83) опять предлагает суду руководствоваться социалистическим правосознанием, правда, лишь в случаях отсутствия соответствующего декрета или неполноты такого. Та же причина, которая вызвала упоминание о социалистическом правосознании в «Рук. Началах», повлияла и на редакцию ст. 24 Положения о революционных трибуналах (Собр. Узак. от 1920 г., № 22—24), гласящей: «Трибунал выносит приговоры, руководствуясь исключительно оценкой обстоятельств дела и интересами пролетарской революции».

Казалось бы, именно Уголовный Кодекс, статьи Особенной части которого сами уже содержат зафиксированную социалистическим правосознанием оценку каждого отдельного преступления, ибо указывают по каждому преступлению более или менее узкие рамки для размаха репрессии, этот Уголовный Кодекс мог бы обойтись одними статьями 24—28 и не вносить ст. 9. Наличие этой статьи при таких условиях еще более показательна.

Таким образом, отношение Уголовного Кодекса и отношение «Руководящих Начал» к «теории опасности» не вполне покрывают друг друга. Наиболее рельефно это сказывается на статьях Кодекса и «Начал», касающихся стадий осуществления преступления или касающихся соучастия

в преступлении. Дав в ст.ст. 17—19 определения различных стадий осуществления преступления (оконченное преступление, покушение, приготовление), «Рук. Начал» устанавливают в ст. 20, что «стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая определяется степенью опасности преступника». Иными словами, за простое приготовление к убийству может быть судом назначено такое же наказание, как за самое убийство. С точки зрения безусловного и прямолинейного проведения «теории опасности» это только логично, ибо опасность для общества заключается не столько в факте преступления, сколько в проявленных в этом факте способности и склонности преступника к такого рода преступлениям, и об этих способности и склонности можно и должно, с точки зрения «теории опасности», судить независимо от стадии осуществления преступником своего умысла, нередко остающегося не доведенным до конца только по случайным причинам. Однако, еще более последовательной с точки зрения «теории опасности» была бы наказуемость не только приготовления, но и обнаруженного серьезного злого умысла, на что и «Руководящ. Начал» не пошли. Очевидно, что уже «Рук. Начал» воплощали абстрактную «теорию опасности» в кровь и плоть пролетарского права не иначе, как внося в нее те или иные поправки, требуемые пролетарским правосознанием. Никто не станет отрицать, что это правосознание разное реагирует на такие стадии осуществления преступления, как приготовление, в отличие от оконченого преступления. Уголовный Кодекс в ст. 12 и облагает приготовление к преступлению репрессией, «поскольку оно само по себе является наказуемым действием», т. е. поскольку в нем имеется налицо состав другого преступления. Даже в отношении покушения ст. 14 Кодекса разрешает суду принять во внимание «отсутствие или незначительность вредных последствий покушения», причем, само собою разумеется, общим правилом все же остается, что «покушение на какое-либо преступление карается, как совершенное преступление». Обращаем внимание на эту **факультативность** понижения меры наказания за покушение по нашему Кодексу, отличающую его в данном вопросе от царского Уголовного Уложения 1903 г., ст. 49 которого устанавливала **обязательность** смягчения наказания за покушение по сравнению с наказанием, положенным в законе за самое преступление, а также устанавливала ненаказуемость покушений на проступки (преступные деяния, караемые не свыше ареста на 6 мес. или штрафом).

Совершенно то же мы видим и в отношении «Рук. Начал», с одной стороны, и Уголовного Кодекса, с другой, к характеру наказуемости соучастников преступления. Ст. 21 «Рук. Начал» категорически отвергает влияние степени участия в преступлении на наказуемость участников его и гласит: «мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния». Между тем, соответствующая статья 15 Кодекса определяет меру наказания «как степенью участия, так и степенью опасности». Для сравнения укажем, что ст. 51 Уголовного Уложения 1903 года, устанавливая, как

общее правило, одинаковую наказуемость всех соучастников, оговаривала обязательное смягчение наказания для пособника, помощь коего была незначительна, и допускала наказуемость подстрекателя к проступку и пособника проступку лишь в особо указанных законом случаях.

Отвергая значение установления степени участия для определения меры наказания за преступление, «Рук. Начала» приближаются некоторым образом к объективному вменению факта преступления, независимому от отношения к этому факту (участия в нем) со стороны обвиняемого. Ведь, при разной степени участия может быть различна даже степень ясности для сознания данного подсудимого самого характера того преступления, в котором он, стоя ближе или дальше от главных виновников преступления, принимает участие. И даже больше: главный виновник может совершать убийство из корыстных побуждений (квалифицированное убийство по ст. 142 Кодекса), а пособник может быть уверен, например, что речь идет об убийстве первым своего обидчика и т. п. Как тут быть? «Рук. Начала» прямого ответа не дают, хотя, несомненно, формулировка «мера наказания определяется степенью опасности преступника и совершенного им деяния» (ст. 21 и ст. 11) дает возможность судье в одних случаях выдвигать на первый план тяжесть самого деяния (объективный факт), а в других—степень опасности преступника, выражающуюся, конечно, и в отношении преступника к самому преступлению, т. е., между прочим, и в том, как самый состав преступления рисовался сознанию данного преступника.

Тем не менее, полную ясность, с устранением всякой возможности объективного вменения, создает только неизвестная «Рук. Началам» ст. 11 Уголовного Кодекса: «наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т. е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление; б) действовали неосторожно...». Ясно, что «предвидение последствий деяния» означает тут также: «понимание характера своего деяния», т. е., в конечном счете, статьей 11 Кодекса требуется наличие в сознании виновного всех существенных сторон состава преступления, за которое он подлежит наказанию. Отметим, что если пункт в. ст. 12 «Рук. Начал» (об обстоятельствах, влияющих на меру наказания) противопоставляет сознание причиненного вреда невежеству и неосознанности, тем самым как бы допуская наказуемость деяния даже при отсутствии у его совершителя сознания вреда этого деяния, то аналогичный этому пункту пункт д. ст. 25 Кодекса противопоставляет преступление, совершенное с **полным** сознанием причиняемого вреда, преступлению, совершенному по невежеству и неосознанности. Таким образом, сознание вреда может быть более или менее полным, но без всякого сознания вреда состав преступления уже немислим. Добавлением одного слова «полным» в пункте д. ст. 25 лишь, следовательно, еще более подчеркнут смысл введенной в Кодекс ст. 11. Что точка зрения Кодекса совпадает с нашим пониманием ст. 11, лучше всего доказывается тем, что мы находим объяснимые только при таком допущении формулировки и в

статьях Особенной части, например, в ст. 58, ч. 2: «при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается иным, значительно более мягким, наказанием, чем основное преступление по ст. 58, ч. 1. Тяжесть преступления, предусмотренного ст. 58, ч. 1 (контрреволюционное восстание), заставляет законодателя оговаривать особую наказуемость и тех случаев, когда до полного состава преступления недостает определенного момента этого состава (в данном случае сознания, что конечной целью деятельности является свержение советской власти); но тем не менее законодатель не считает возможным для этих случаев неполного состава преступления установить наказуемость, как за полный состав. Отсюда следует, что в отношении прочих менее тяжелых преступлений, где никакой оговорки о случаях такого неполного состава законодателем не сделано, тем менее возможно карать за неполный состав преступления, как за полный. Во всех таких случаях суд должен будет строго руководствоваться ст. 11-й Кодекса, толкуя ее в смысле, изложенном нами. Если в деянии нет полного состава преступления, предусмотренного определенной статьей, то по ней и не может быть наказан совершивший это деяние.

Обращает на себя внимание, что ст. 11 не делает никакого различия по степени наказуемости между преступлениями умышленными и неосторожными. «Рук. Начала», вообще, не останавливаются на этом различии, если не считать упоминания о «небрежности» в п. 3 ст. 12 (об определении меры наказания); в соответствующем ему пункте и ст. 25 Кодекса вместо «небрежности» прямо говорится о «неосторожности». Однако, упомянутое различие делают отдельные статьи Особенной части Кодекса (например, ст. 147—убийство по неосторожности, ст. 154—неосторожное телесное повреждение), устанавливая при этом для неосторожных деяний пониженную наказуемость, по сравнению с умышленными. Очевидно, и в прочих случаях, при определении меры наказания за неосторожные деяния, суды должны будут сделать вывод из такого отношения законодателя и особенно широко использовать пункт и. ст. 25. К этому же выводу—о значительно более мягкой наказуемости неосторожных преступлений—будет, вообще, говоря, толкать судей и много меньшая опасность лиц, совершающих преступление по неосторожности, чем лиц, делающих то же умышленно. Для параллели напомним, что по ст. Уголовного Уложения 1903 г. одинаковая наказуемость деяний неосторожных с деяниями умышленными устанавливалась лишь в отношении проступков, преступления же, совершенные по неосторожности, подлежали наказанию лишь в особо указанных законом случаях.

Заканчивая изложение вопроса об отношении Уголовного Кодекса и «Рук. Начал» к теории опасности, отметим, что в двух направлениях Уголовный Кодекс пошел в применении этой теории дальше, чем «Рук. Начала». Именно, в то время как «Рук. Начала» имеют в виду только преступления и только с ними связывают меры карательного характера (см., в особенности, ст. ст. 5—7), ст. 5 Уголовного Кодекса определяет, как его задачу,

«правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно-опасных элементов».

Конец этой статьи, где говорится, что такая защита осуществляется «путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты», казалось бы, впрочем, должен привести нас к тому толкованию, что и эти особо оговоренные «общественно-опасные элементы» обнимаются определением «нарушители революционного правопорядка», т. е. подпадают под действие Кодекса только тогда, когда ими совершается какое либо из предусмотренных Особенной частью деяний. При таком толковании, противопоставление преступлений (а, стало быть, и преступников) общественно-опасным элементам вполне разрешалось бы тем соображением, что в число общественно-опасных элементов, несомненно, включаются и лица невменяемые, к которым, согласно ст. 17, могут применяться лишь меры социальной защиты: умышленного, совершившего преступное деяние, всякий признает общественно-опасным, но никто не назовет преступником. Однако, выделение в особую категорию «общественно-опасных элементов» имеет более глубокий смысл и этот смысл раскрывается ст. 7-й: «опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку».

Преступление, согласно ст. 6 Кодекса, есть действие, угрожающее правопорядку. Ясно, что и деятельность, не составляющая преступления в смысле ст. 6, может, тем не менее, свидетельствовать о серьезной угрозе данному лицу общественному правопорядку, хотя бы оно и не уличалось ничем в конкретном преступлении. Что это именно имеется в виду ст. 7-й, выявляется в ст. 49-й Кодекса: «лица, признанные судом по своей преступной деятельности или по связи с преступной средой данной местности социально опасными, могут быть лишены по приговору суда права пребывания в определенных местностях на срок не свыше 3 лет». Для применения ст. 49 не требуется обязательно совершение лицом, к которому она применяется, какого-либо преступления. Достаточно это оттеняется сопоставлением ст. 48, начинающейся словами «лица, осужденные судом и признанные им социально опасными», со ст. 49, где признак «осужденные судом» отпал. Это тем более очевидно, что в первоначальном проекте НКЮ ст.ст. 38 и 39 (соответствующие ст.ст. 48 и 49 Кодекса) не заключали слов «осужденные су-

дом». Проект комиссии съезда деятелей советской юстиции, легший в основание окончательной редакции Общей части Кодекса, отказываясь от включения в Кодекс особой статьи об «опасности лица», совершенно последовательно вводил оговорку «осужденные судом» как в теперешнюю ст. 48, так и в теперешнюю ст. 49. Если эта оговорка оставлена лишь в ст. 48, но не в ст. 49, то мысль законодателя вполне ясна. Суды смогут выносить приговоры по ст. 49, как если бы она была статьей Особенной части.

Вторым улучшением Общей части Кодекса с точки зрения «теории опасности» по сравнению с «Рук. Началами» является введение института давности (ст. 21 и 22 Кодекса). Преступник, который в течение нескольких лет после совершенного им преступления больше преступлений не совершал, очевидно, перестал быть опасным. Если «Рук. Начала» института давности еще не знают, то это просто потому, что при сравнительно не продолжительной (двухлетней) жизни пролетарского суда до издания «Рук. Начал», он с вопросами давности, вообще, еще не мог столкнуться. Поэтому мы видим в «Рук. Началах» лишь глухую и неопределенную формулировку: «с исчезновением условий, в которых определенное деяние или лицо, его совершившее, представлялись опасными для данного строя, совершивший его не подвергается наказанию» (ст. 16). Этой статье, правда, можно придавать и другой смысл, именно рассматривать ее, как формулировку положения, что устраняющий наказуемость каких-либо деяний закон обязательно имеет обратную силу. Практика наша фактически признавала это последнее положение, которое, конечно, тоже неизбежно вытекает из «теории опасности», как она проведена не только в «Рук. Началах», но и в Кодексе. Напомним хотя бы про циркуляр НКЮ № 56 от 29-го октября 1921 года о прекращении, в связи с новой экономической политикой, всех уголовных дел по нарушениям декретов о сдаче имущества на учет и т. п. и об освобождении отбывающих наказания по этим делам.

Как бы то ни было, раз Уголовный Кодекс получил, вообще, как таковой, обратную силу (ст. 23 Кодекса и ст. 3 Постановления о введении его в действие), то и с точки зрения только что высказанного понимания ст. 16 «Рук. Начал» надобности воспроизводить ее в Кодексе пока не представлялось. Она в Кодекс и не вошла.

А. Эстрин.

Юридические товарищества*).

В связи с предстоящей организацией адвокатуры возникает небезынтересный вопрос о той форме или тех формах, в которые может вылиться такая организация.

Закон этого вопроса не затрагивает и потому самой жизни предстоит решить его в ту или другую сторону в зависимости от целесо-

образности той или иной конструкции и ее допустимости с точки зрения закона.

Организация адвокатуры мыслима в трех различных формах: или в форме индивидуального занятия юридической практикой, как это было ранее, или в форме особых юридических товариществ, или, наконец, в форме смешанной, допускающей сосуществование двух первых форм.

*) Печатается в дискуссионном порядке. Редакция.

Рассматривая все три указанные нами формы применительно к существующим в настоящее время условиям жизни, не трудно прийти к заключению, что наиболее подходящей формой была бы последняя из указанных нами, т.е. такая, при которой личное занятие юридической практикой могло бы существовать наряду с возможностью организовывать особые кооперативные юридические товарищества.

Сама жизнь диктует это решение.

Адвокатская практика, как врачебная, связана с необходимостью приема клиентов на дому, что при современной квартирной тесноте в громадном большинстве случаев окажется невозможным.

Для приема клиентов придется снимать особое помещение, что, в свою очередь, связано с расходами, непосильными для отдельного лица. Таким образом, сама жизнь как бы предугадывает единственно возможный выход из этого положения, состоящий в том, что несколько лиц сообща снимают необходимое для организации приема клиентуры помещение.

Отсюда один шаг до установления общей товарищеской практики, т.е. соединения всех поступающих к отдельным лицам дел в общую массу и распределения ведения их между соучастниками.

Возможность организации подобного рода юридических товариществ не встречается с прямым запрещением закона и остается только решить вопрос целесообразности, при чем последний необходимо обсудить как с точки зрения интересов клиента, так равно и с точки зрения интересов государства.

Не подлежит сомнению, что юридическое товарищество может оградить интересы клиента в большей степени, нежели отдельное лицо, для чего товарищество располагает большими средствами в смысле разработки дела общими силами и обсуждения порядка его ведения всеми членами товарищества сообща.

Наконец, самое ведение дела в суде может быть поручено такому члену товарищества, который по характеру своих познаний наиболее подходит к данному роду дела, ибо спорные дела в своей совокупности представляют безконечное разнообразие, а идеальное знакомство со всеми юридическими вопросами так же невозможно, как невозможно для врача знакомство со всеми деталями многообразных болезненных явлений человеческого организма.

Независимо от этого, юридическое товарищество заключает в себе еще ту громадную вы-

году для клиента, что он не должен опасаться за целостность поступившего к его адвокату имущества. Сохранность и своевременность передачи его клиенту гарантируется круговой порукой всех членов товарищества.

Эта сторона является особенно ценной в настоящее время при наблюдающемся ослаблении моральной устойчивости и при том огромном соблазне, какой, между прочим, представляет из себя адвокатская практика. Анналы старых советов дают богатый материал в этом отношении.

Не менее реальные выгоды представляют юридические товарищества и для государства.

Занятие адвокатской практикой принадлежит к числу тех, которые всего труднее поддаются учету в качестве объекта обложения теми или иными сборами. Здесь обычно все основано на личных показаниях плательщика.

Совершенно иное дело в товариществе, которое можно и должно обязать вести правильный реестр поступающих к нему дел и кассовую книгу, по которым всегда возможно определить с довольно приблизительной точностью сумму доходов, подлежащих обложению.

Наконец, юридическое товарищество интересно для государственной власти еще в том отношении, что оно дает возможность действительного контроля над деятельностью товарищества, которое и само, будучи заинтересовано в доверии со стороны суда и клиентуры, будет принимать все меры к тому, чтобы завоевать это доверие и не принимать к своему производству заведомо безнадежных и роняющих его достоинство дел.

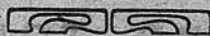
Таковы в общих чертах те главные основания, которые с достаточной убедительностью, как нам кажется, говорят за возможность и законность возникновения юридических товариществ.

Эти товарищества могут образоваться лишь с особого в каждом отдельном случае разрешения местного отдела юстиции или коллегии защитников, при чем максимальное число членов такого товарищества должно быть определено заранее.

Товарищества с большим числом членов едва ли могут быть полезны, так как в процессе своей деятельности они легко могут превратиться в нежелательное явление юридических контор со всеми свойственными таким конторам темными сторонами.

Нам представляется наиболее целесообразным ограничить число участников товарищества пятью лицами при непрременном, конечно, условии нахождения их в составе членов коллегии защитников.

С. Е.—В.

Споры о землепользовании на городских землях.

Все внимание в вопросах землепользования до самого последнего времени было сосредоточено исключительно на вопросах трудового пользования землями сельскохозяйственного назначения, т.е. в сельских местностях, и это относится одинаково как к материальному, так и к процессуальному праву, т.е. как к существу прав

на землю, так и к порядку разрешения споров об этих правах. Вся обширная область подобных же вопросов городского землепользования остается до сего времени незатронутой ни законодательством, ни даже обсуждением ее на страницах печати и, между тем, насколько известно, соответственный II раздел Земельного Уложения, который

должен трактовать о городских землях, предстоит срочно разработать для внесения в законодательные учреждения; в еще более неопределенном положении находится разрешение земельных споров внутри черты, отведенной городу, так же как и понятие городской черты.

Со времени революции наши города стали весьма энергично расширять свои территории, не только поглощая прилегающие пригороды, слободы, поселки и т. п., лежащие за пределами официальной городской черты—поселения городского типа, по существу совершенно сходные с самим городом,—но и захватывая в широких пределах прилегающие сельско-хозяйственные угодья и притом не только из земель нетрудовых (помещичьих, церковных, монастырских и т. п.), но и чисто трудовых, находящихся в руках вполне земледельческого населения, правовое положение которого со включением его в число городских жителей остается невыясненным.

Пример Москвы, внутри которой, с отнесением городской черты к линии Окружной дороги, оказался ряд сел с чисто земледельческим населением и общинным землепользованием, хотя и наиболее развитым, но не единичен и практика Центрозема показывает, что это имеет место в разных концах Республики. Естественно, что совершенно различная природа земель городского и сельского типа и связанных с ними отношений требует различных приемов в определении прав и порядка их использования и смещение практики и политики регулирования этих отношений рождает величайшую сумятицу, запутанность, неустойчивость и разноречивость.

Стт. 136—138 инстр. по пров. соц. землеустр. определяют характер и назначение земель, отводимых городам: это, с одной стороны, земли под городской оседлостью и муниципальными сооружениями (водопровод, канализация и проч.) и, с другой стороны, сельскохозяйственные угодья, отводимые городом для удовлетворения общественных надобностей и потребностей городских жителей, занимающихся земледелием, причем отвод земель как той, так и другой из этих двух категорий производится по тем же правилам, как и учреждениям и предприятиям всякого рода, т. е., между прочим, согласно ст. 119 той же инстр. с вознаграждением трудового землепользователя за вложенный труд и с отводом ему одновременно равноценного с отходящим к городу участка.

Характер первой из этих категорий, т. е. земель под городской оседлостью, совершенно отличен от земель в сельских местностях: находящиеся на городских окраинах сельско-хозяйственные предприятия—огороды и сады имеют по преимуществу промышленный или промышленно-трудовой характер и порядок пользования этими земледельческими предприятиями, интенсивность их культуры, индивидуальность приемов ведения хозяйства и проч. исключают возможность общинного начала землепользования, уравнительности, принудительных переделов и т. п. Земли эти в силу ст. 140 находятся в распоряжении местных городских советов в лице их отделов коммунального хозяйства и, стало-быть, в порядке подчи-

ненности—в ведении учреждений НКВД. Кому же подведомственны споры всякого рода о пользовании этими землями? Нам представляется бесспорным, что разрешение всяческих споров, связанных с земельными участками в пределах городской оседлости принадлежит исключительно народному суду и что никакие горкомхозы, коммунотделы, жилземотделы и прочие аналогичные им учреждения никаких судебных функций не имеют и решения различных существующих при них конфликтных комиссий не могут иметь силы судебного решения. Это диктуется не только тем, что по общему принципу существует только единый народный суд, уполномоченный на разрешение имущественных споров, и что никаким актом не установлено какого-либо изъятия из него споров о землепользовании в городах, подобно тому, как это установлено в отношении земель сельско-хозяйственного назначения в сельских местностях (декрет о земельных комиссиях, принятый III сессией ВЦИК), но и тем, что с признанием права собственности на все немunicipализированные строения, на промышленные и торговые предприятия, с объявлением свободы занятия промыслом и т. п. никакое административное вмешательство в разрешение споров в этой области стало невозможным и, таким образом, за управлениями коммунальным хозяйством может быть оставлена лишь сдача свободных земель и установление договорных отношений по землепользованию, все же последующие конфликты и споры, изъятие земель и проч., как между отдельными землепользователями, так и между ними и городом, не только не могут, но и должны подлежать компетенции только народного суда. Между тем, судебная практика показывает, что не только народные суды зачастую отклоняют сами под предлогом неподсудности разрешение таких дел, но что горкомхозы в разных формах организуют у себя разбор этих споров, которые доходят по обжалованию в порядке инстанции в Главкомхоз НКВД, который также вынужден каким-то образом выносить по этим делам свои определения. При этом приходится установить, что эти органы хозяйственного управления коммунальным имуществом настолько чувствуют себя неприспособленными для выполнения сложной и ответственной задачи разрешения земельных споров, что по собственному почину зачастую передают их в коллегии земорганов, внося этим новую сумятицу в земельные отношения, ибо земорганы естественно и невольно переносят на эти городские земли принципы чуждого им сельского земледельчества и его специальных норм; происходит нарушение инстанционного порядка, дела попадают сразу, когда в уземотделы, а когда и в губземотделы, разбираются то первой, то второй, а то и третьей инстанцией. Коллегия Центрозема после длительного хождения дела отменяет решение и возвращает дело в Главкомхоз... получается неразбериха и волокита без конца, а так как дело идет о жизненных интересах населения и существенных отрясах городского хозяйства, то нет надобности доказывать вред такого порядка вещей, продолжаясь до сего времени только по недосмотру и потому, что, очевидно, еще не дошла очередь до урегулирования этого вида граждан-

ских споров путем решительного возвращения их по принадлежности в народные суды.

Несколько иначе и, пожалуй много сложнее, но и еще неопределеннее стоит дело со второй категорией земель, отводимых городам—с землями сельско-хозяйственного назначения, предназначенными для удовлетворения потребностей городского земледельческого населения и общественных нужд. В ряде городов происходит механическое включение всех прилегающих земель в известных пределах без разбора их правового положения и без действительного исчисления потребности населения в земледельческих угодьях. В результате получается, что в территории города оказываются замежеванными громадные пространства (как это имело место с Москвой, Уфой и некоторыми другими), не имеющие ничего общего с городом, для городских потребностей ему ненужные, далеко превосходящие нужду горожан; при чем не делается никакой разницы между землями трудовыми и нетрудовыми, временно распределенными и свободными.

Все это получает общее наименование городской черты, сразу подводится под общий режим коммунального хозяйства и, хотя город не в состоянии переварить введенные в его состав иногородные тела сел и деревень с их особенным укладом жизни, тем не менее он начинает применять и к этим местностям все приемы городской земельной политики и управления. Между тем, такой порядок вряд ли может быть оправдан действующим законодательством: ст. 140 инстр. по ее месту в VII главе, специально говорящей об отводе земли городам, и по последовательности изложения этой главы не оставляет сомнения в том, что сельско-хозяйственные земли, предоставляемые городам для удовлетворения нужд его земледельческого населения, продолжают оставаться в ведении земорганов, не переходят к комхозам и, следовательно, не теряют характера сельской местности и не могут считаться городской территорией. Природа отношения города к этим землям и предел его прав на них нисколько не шире, чем права любого учреждения и предприятия, получившего землю для общепользовательных целей в порядке ст. 115—122 той же инструкции, а если это так, то, следовательно, город не может изменять назначение этих земель и использовать их для других не сельско-хозяйственных целей, а тем более отеснять каким-либо образом права и порядок трудового землепользования тех лиц, которые, не принадлежа к городскому населению, по тем или иным причинам оказались включенными в отвод городам. Эти соображения подкрепляются постановлениями Съездов Советов и ВЦИК о твердости трудового землепользования и, в конечном итоге, приводят к выводам, во-1-х, что сельско-хозяйственные земли, находящиеся в трудовом пользовании крестьянского населения не могут быть предоставляемы городам без земельной и имущественной компенсации этого населения, что, во-2-х, селения с общинными наделными землями не могут быть замежеваемы таким порядком в состав городов, что, в-3-х, сельско-хозяйственные угодья, предоставленные городам для удовлетворения нужд его земледельческого населения, не теряют характера сельской местности

и остаются в ведении и управлении земорганов, а отсюда, в-4-х, что эти земли не могут быть эксплуатируемы городами в целях извлечения доходов, как оброчная статья, и, в-5-х, что разбор споров по их использованию подведомствен земорганам, в-6-х, что самое количество отводимых земель должно быть определяемо не по внешнему признаку территориального расположения, например, в черте Окружной дороги, как это было в Москве, или внутри кольца, образуемого слиянием рек, как в Уфе, а на основании точного исчисления количества городского населения, занимающегося земледелием и действительной потребности в земле.

Можно смело утверждать, что ни один из этих выводов не применяется на практике. Города, получив земли, без сколько-нибудь ясного расчета количества и без соображения о существующем трудовом их пользовании, немедленно обращают их в доходную статью, начинают сдавать по договорам в аренду своим горожанам, группам их и коллективам по совершенно случайным признакам на самые краткие сроки, не считаются с правами тех, кто работал на земле до включения их в черту города, словом, распоряжаются этими землями совершенно так же, как и в центре города, на его площадях и пустырях, не делая различия между ними и землей под городской оседлостью. Естественно, что из неизбежного столкновения прав и интересов новых и старых землепользователей на этих землях возникают многочисленные споры, как между отдельными лицами, так и между ними и городским управлением, нуждающиеся в компетентном и правильном, с точки зрения земельного права и политики, разрешении.

Существующая практика показывает, что вследствие неурегулирования данного вопроса получается волокита, путаница, как, например, в Москве: постановлением Президиума Совета один из видов земельных споров—вопрос о пользовании огородами—вместо передачи народному суду передается Моск. зем. упр., но при этом теряется из вида, что Московское земельное управление есть учреждение губернского, т. е. третьей, контрольной инстанции для дел подобного рода, и этому губернскому органу приходится разбирать в качестве первой инстанции по существу споры о нескольких квадратных саженях огородов, а следом затем перетаскиваются туда же и вообще споры об огородах в городе, так что на днях в особую коллегия при Центроземе было представлено по жалобе на решение МОЗУ для разбора во второй инстанции дело по спору между жилищным товариществом и гражданами, живущими в одном из домов на Б. Калужской ул., об огороде во дворе мерою менее 60 кв. саж. Самые невероятные комбинации случаев подобного же рода имеются в практике Твери, Звенигорода, Кубани, Елатмы, Уфы и многих других городов. Горкомхозы во многих местах совсем не существуют, иногда слиты с уземотделами и т. д. и в результате для этих злополучных споров, застрявших где-то на пол-пути между городом и деревней, не существует правильного судопроизводства ни в нормальном едином народном суде, ни в исключительном земельном суде, ни в административном разборе комхозов. Все границы

подсудности стерлись, безвозвратно перепутались и дела разбираются, куда попадут по местным условиям, кто во что горазд.

В данный момент как нельзя более своевременно обратить на это серьезное внимание, так как именно теперь судебная мысль занята установлением точной подсудности, точного порядка судопроизводства, соблюдением правовых гарантий, это с формальной лишь стороны, а со сто-

роны существа дела упорядочение разбора споров о землепользовании на городских сельско-хозяйственных землях еще важнее, ибо рациональное использование их обеспечивает правильную постановку пригородного земледельческого хозяйства, что должно служить самым существенным подспорьем и средством снабжения городов предметами питания.

Григ. Рындыонский.

Криминально-психологические исследования при тюрьме.

Настоящая статья имеет целью отвести в современной юстиции надлежащее место криминальной психологии и найти ей практическое применение в деле исправительно-трудовой политики.

Особенно теперь, когда в тюрьме вновь начинается преобладать уголовщина, обостряется вопрос о приспособлении преступной личности к условиям общежития.

Но прежде, нежели приучать преступника к общественным нормам, к принципам трудовой жизни, необходимо определить степень его социального состояния, вообще, т.е. определить степень его способности проявлять свои духовные силы в нужном для общества направлении. И такая диагностика душевного склада преступника может состояться лишь на основании психологической экспертизы. Диагностика душевных состояний преступника является существенно важным вопросом в раскрытии природы или генезиса преступления. Природа или генезис преступления и есть камень преткновения криминалистов. И тут на помощь криминалистам выступает психология и предлагает свои услуги по изучению души преступника. Только уяснение себе доподлинных чувств и мотивов, доминировавших при совершении того или иного преступления, может повести к правильной его оценке. Мало того, только изучение психологии преступника в состоянии указать на те меры воздействия, которые оказали бы благотворное влияние на строй его психически-преступных мыслей. Только такое изучение лиц, впавших в преступление, имеет своей конечной целью их исправление. Позволю себе сослаться на авторитеты Ферри, Гарофало (Garofalo), Дриля—все они одинаково констатируют необходимость тщательного психологического исследования преступников в целях их успешного исправления.

Из общей части статьи вытекает то важное практическое значение, какое должно иметь криминально-психологическая экспертиза в деле исправительно-трудовой политики.

В следующих строках найдут себе место более специальные вопросы криминально-психологического исследования. Психология приходит к своим результатам и путем наблюдения, и путем экспериментально-психологического исследования. Первый метод, правда, менее точен, но он применяется преимущественно при исследовании той богатой и своеобразной области человеческой пси-

хики,—чувствований, аффектов и воли, области нравственной сферы,—которая в то же время наиболее болезненна у преступников. Поэтому эта сфера психической жизни преступника подлежит, прежде всего, обязательному исследованию. С другой стороны, в вопросе изучения души преступника не только ценны, но и неизбежны методы психологического эксперимента.

Насколько, действительно, важны криминально-психологические изыскания, станет еще более ясным из ряда примеров подобного исследования преступников. Так, например, многими специалистами исследовался вопрос об умственной работоспособности преступника. Этот вопрос является одним из основных в исправительно-трудовой проблеме. А так как при исследовании данной способности необходимо применяться методы психологии, то отсюда можно сделать вывод и относительно значения криминально-психологических изысканий, вообще. Ведь, большинство наблюдателей и исследователей тюремного мира устанавливают у преступника факт пониженной работоспособности. В силу этого всякое систематическое занятие, требующее непрерывного напряжения умственных сил, всякий правильный методический труд утомляет и изводит преступника. Проф. Бенедикт обратил внимание на такую неспособность преступника к труду и в ней он видит одну из причин, толкающих человека на путь преступлений. Ввиду важности этого вопроса д-р А. Л. Щеглов специально остановился в одной из своих работ на вопросах изучения умственной работоспособности преступников, определения быстроты и степени их умственной утомляемости, определения скорости умственных процессов.

Богатой сферой для психологических изысканий является и такая, например, способность преступников, как способность к критическому анализу воспринимаемых ими впечатлений. Исследователи тюремного быта (криминалист Дриль, психиатр Чиж) указывают на слабость критики у преступников, а она обычно бывает психологически связана с такими печальными чертами характера человеческой личности, как некоторой непредусмотрительностью в выборе решения, общим легкомыслием, легкой податливостью ко всевозможного рода внушениям. В данном случае и представляется ценным исследование у преступника способности к точной оценке

воспринимаемых впечатлений, способности противостоять тем или иным внушаемым извне идеям.

Все затронутые выше вопросы составляют ту психическую сферу преступника, которая подлежит, прежде всего, изучению, и все эти вопросы кладутся в настоящее время в основу криминальной психологии.

Перейду теперь к краткому изложению отдельных результатов, полученных на основании исследования вышеназванных способностей преступника. Так, например, почти все исследователи констатируют у преступников слабость внимания, неустойчивость и колебания его при совершении той или иной работы. Так как во внимании обнаруживается, прежде всего, волевой элемент душевной деятельности человека, то слабость внимания должна указывать на пониженную способность человека обнаруживать свои волевые усилия. Подавление этой волевой способности является одним из главных оснований пониженной работоспособности у преступников, что и усматривается некоторыми криминалистами—психологами, как сильный фактор преступности.

Последним практическим вопросом после общей криминально-психологической экспертизы я поставил бы вопрос «преступник и выбор профессии». Этот вопрос может быть предложен преступнику, когда его душевный склад все-сторонне (поскольку это обуславливает психология) исследован, когда преступник уже прошел ряд ступеней надлежащих испытаний. Тогда мы можем прибегнуть к теории профессиональных типов. По целому ряду основных свойств, присущих той или иной профессии, и по наличности параллельных психических свойств у преступника мы заключаем, хотя бы относительно, о приспособ-

ленности преступника к тому или иному профессиональному труду. В зависимости уже от подобного психологического диагноза можно применять к данному преступнику те или иные меры воздействия, которые теперь будут уже не случайными и имеют под собой твердую почву.

Вся дальнейшая работа по непрерывному воздействию на психику преступника мерами педагогического характера уже относится к учебно-воспитательной части, которая только в силу сделанных ею относительно того или иного лица криминально-психологических указаний будет знать кто перед ней и что ей делать с тем или иным преступником.

Вот возможный результат криминально-психологической экспертизы.

Чтобы не быть узко понятным, считаю нужным оговориться и указать, что далеко не все методы и теории применимы к одному и тому же преступнику и не в этом задача психологических исследований. Постоянно следует помнить ту крайнюю индивидуальность психически-преступной личности и то осторожное и бережное отношение к ней, что является единственным средством подхода к душе преступника.

В заключение позволю себе сказать, что вопрос о криминально-психологическом исследовании преступников вопрос не новый. Уже в 1902 году существовала учрежденная академиком В. М. Бехтеревым специальная комиссия по экспериментально-психологическому исследованию преступников. А в настоящее время вопрос этот является уже вполне назревшим и лишь ждет своего практического применения к жизни.

Альфред Штесс.

Обзор советского законодательства

за время с 20 мая до 3 июня 1922 г.

Из опубликованных за обозреваемый период декретов большое государственное значение имеет:

1. Декрет ВЦИК «О хлебном займе» («Изв. ВЦИК» от 2 июня, № 121).

Хлебный заем выпускается на общую сумму до десяти миллионов пудов ржи (в зерне) и погашается натурой в период времени от 1 декабря 1922 г. по 31 января 1923 г. Подписной курс на облигации займа устанавливается со скидкой пяти процентов с номинальной их стоимости (стоимость пуда ржи исчисляется в 4.000.000 р., так что подписная цена равняется 3.800.000 руб. или 380 руб. дензнаками образца 1922 г.). Облигации выпускаются на предъявителя и подлежат свободной—продаже и закладу, освобождаются от обложения какими бы то ни было налогами или сборами государственными или местными и принимаются как в обеспечение по поставкам, подрядам и торгам, так и в зачет взносов единого натурального налога по обозначенному в них количеству ржи. Погашение облигаций производится Наркомпродом из специального фонда продоволь-

ствия, образуемого из поступлений продналога. Погашение это обеспечивается специальным гарантийным фондом в 10 миллионов рублей золотом.

Хлебный заем является одним из звеньев в той цепи мероприятий, которые советская власть предпринимает за последнее время для оздоровления финансовой и хозяйственной жизни страны. Цель его—избегнуть необходимости в содействии печатного станка для пополнения денежных ресурсов казны и, таким образом, повысить и укрепить покупательную стоимость кредитного рубля и, следовательно, соответственно понизить стоимость всех продуктов и товаров. Но заем имеет не только финансово-экономическое, но и большое политическое значение. Он поможет России в значительной мере избавиться от помощи западно-европейского капитала по восстановлению ее хозяйственной жизни и, таким образом, пресечь в самом корне всякие попытки посягнуть не только на ее экономическую, но и политическую независимость, столь недвуммысленно обнаруженные на Генуезской и подготавливаемые, несомненно,

к Гаагской конференции. Поэтому если бы даже заем не представлял никаких особых выгод для держателей его облигаций, то долг всякого русского гражданина поддержать его. Но приобретение займа далеко не безвыгодно. Особые удобства предоставляет он крестьянскому населению, которому разрешается уплачивать продналог облигациями по количеству обозначенных в них пудов ржи, и тем самым технически чрезвычайно облегчает уплату продналога.

Из других декретов следует отметить:

2. Декрет СНК «Об установлении списка дачевладений, остающихся в распоряжении и эксплуатации коммунальных отделов» (там же).

Декрет объясняет исполкомы в течение двух месяцев со дня его опубликования установить точный список дачевладений, остающихся в распоряжении и эксплуатации коммунальных отделов. Все указанные в списках дачевладения, по утверждении их Главным Управлением Коммунального Хозяйства НКВД, признаются муниципализированными и коммунальные отделы могут эксплуатировать их как путем непосредственного хозяйственного заведывания, так и путем сдачи в аренду. В каждом дачевладении должно быть установлено исполкомом количество строений, подлежащих муниципализации; муниципализированные дачевладения могут быть возвращены дачевладельцам только в случае освобождения их от учреждений, под которые они были заняты. Ни в коем случае возврату не подлежат дачевладения, конфискованные в порядке декретов от 28-го марта 1921 года и 19 ноября 1920 г. Декрет издан в целях обеспечения коммунальных отделов фондом дачевладений, необходимых для удовлетворения потребности в детских домах, санаториях, домах отдыха и т. д. Вместе с тем он вносит принцип законности в дело, которое до сих пор велось исключительно на основах революционной целесообразности.

3. Декрет СНК «Об отмене государственной монополии на средства сельско-хозяйственного производства» («Изв. ВЦИК» от 23 мая, № 113). Государственная монополия на торговлю сельско-хозяйственными орудиями, машинами, семенами и другими средствами сельско-хозяйственного производства и на распределение их отменяется и разрешается наряду с государственной, общественной, кооперативной и частной торговлей ими. Приобретение за границей всех вышеуказанных средств сельско-хозяйственного производства допускается на общем основании, установленном в отношении ввозимых из-за границы предметов. Декрет вносит большие облегчения в порядок снабжения сельских обывателей необходимыми им средствами производства.

4. Декрет СНК «О порядке привлечения рабочих и крестьянок к работе в советских учреждениях» («Изв. ВЦИК» от 24 мая, № 114).

Практиканство, как метод привлечения рабочих и крестьянок к советской работе в общероссийском масштабе, отменяется. Губернским и уездным исполкомам и руководящим органам отдельных учреждений разрешается сохранить практиканство, но по соглашению с местными организациями рабочих и соответствующими предприятиями и с оплатой его за счет пользующихся

услугами практикантов учреждений. Практиканство подвергается урезке в виду отсутствия средств на содержание и оплату практикантов учреждений при твердых бюджетах, а у предприятий—с переводом их на начала хозяйственного расчета.

5. Декрет СНК «О государственных и частных стипендиях для студентов» («Изв. ВЦИК» от 1 июня, № 120).

В отмену порядка социального обеспечения и государственного снабжения студентов высших учебных заведений и практических институтов учреждаются для слушателей этих учебных заведений государственные стипендии и допускается учреждение частных стипендий.

Число стипендий на каждый год определяется особым постановлением СНК. В состав стипендий входят: а) продовольственное и вещевое снабжение, б) общежитие и в) денежные выдачи. Размер стипендий не может быть ниже среднего заработка рабочего данной местности (6-й разряд 17-разрядной тарифной сетки).

6. Декрет СНК «О распространении на милицию прав военной кооперации» («Изв. ВЦИК» от 2 июня, № 121).

На милицию распространяется постановление СНК от 16 августа 1921 г. о военной кооперации.

7. Дополнение к декрету СНК от 30 марта 1922 г. «О кассовых операциях государственных учреждений и предприятий» («Изв. ВЦИК» от 2 июня, № 121).

Хранение денежных сумм государственных учреждений и предприятий в тех местностях, где не имеется учреждений Государственного Банка, до открытия отделений его, возлагается на кассовые учреждения, подведомственные Наркомфину, через их же посредство осуществляются все расчеты.

8. Декрет СНК «Об изменении такс за пересылку по почте периодических изданий» («Изв. ВЦИК» от 25 мая, № 115). Пересылка каждого экземпляра периодической печати оплачивается в размере $\frac{1}{5}$ как ныне действующей, так и впредь вводимых такс за пересылку бандерольных отправок с печатными произведениями.

9. Декрет СНК «О предоставлении Наркомздраву права перевода на хозяйственный расчет курортов, их объединений и подсобных предприятий» (там же). Переводимым на хозяйственный расчет курортным учреждениям и предприятиям предоставляются все права и преимущества, установленные для предприятий (и объединений) крупной государственной промышленности постановлением СТО от 12 августа 1921 г. со всеми изданными в его развитие дополнениями.

10. Декрет СНК «О клеймении товаров, привозимых из-за границы» (там же). Клеймение устанавливается только для некоторых видов товаров в доказательство законного их провоза из-за границы. Сбор за клеймение устанавливается НКВД.

11. Декрет СНК «О содержании местных пожарных организаций» (там же). Во всех действующих на территории РСФСР страховых учреждениях вводится обязательное отчисление в размере 20% от прибылей, полученных с 1 января 1922 г. по операциям страхования от огня, на содержание местных пожарных организаций.

12. Постановление ВЦИК «Об изменении размеров акцизного обложения» («Изв. ВЦИК» от 27 мая, № 116). С 1-го июня акциз на вина с содержанием алкоголя до 13 $\frac{1}{2}$ градусов насчитывается в размере 1600 руб. с ведра, с содержанием свыше 13 $\frac{1}{2}$ градусов, но не более 20 градусов—4000 с ведра и на игристые 12000 р. с ведра. На табачные изделия: курительный табак (не махорка)—120 руб. с фунта, папиросы—200 руб. с тысячи, сигары—1200 руб. с тысячи, сигаретты—500 руб. с тысячи, махорка 80 руб. с фунта. На гильзовые изделия: папиросные гильзы—20 руб. с тысячи штук, разрезная папиросная бумага—5 руб. с тысячи листов. На пиво—400 руб. с ведра. На мед, квас, фруктовые и искусственные минеральные воды—40 руб. с ведра. На нефтяные продукты: осветительные нефтяные масла 100 руб. с пуда, прочие прозрачные продукты—200 рублей с пуда. Исчисление акциза произведено в дензнаках образца 1922 года.

13. Декрет СНК «О плате за проезд пассажиров, а также за перевозку багажа и грузов по путям сообщения» («Изв. ВЦИК» от 31 мая, № 119). Действующие ставки увеличены в два раза с 1 июня.

14. Декрет СНК «О зачислении всех штрафов, налагаемых на предприятия за нарушение законов и правил об охране труда, во все-русский фонд социального страхования» («Изв. ВЦИК» от 23 мая, № 113).

15. Декрет СНК «О безплатном пропуске прибывающих из-за границы в адрес благотворительных организаций продовольствия и предметов первой необходимости» («Изв. ВЦИК» от 2 июня, № 121).

16. Декрет ВЦИК «О реорганизации Москомгосоора» («Изв. ВЦИК» от 23 мая, № 113).

В. Аронович.

Партия эс-эров перед судом пролетариата.

(Из залы суда).

8 июня с. г. в Колонном зале Дома Союзов начался процесс партии социалистов-революционеров. По делу привлечены: центральный комитет партии во главе с Гоцем, Донским, Гендельманом, Тимофеевым и другими и иные не входящие в состав ЦК члены партии. На скамье подсудимых также группа раскаявшихся, т. е. осознавших ошибочность и преступность политики партии и в связи с этим ушедших из нее эс-эров. В эту группу входят и бывшие боевики-террористы, выполнители контр-революционных актов, сопровождавших «работу» ЦК партии. Казалось бы, Голиафы партии, на самом же деле просто рядовые ее солдаты.

Всего обвиняемых—38 человек. Раскаявшиеся составляют значительную и обособленную группу, ведущую себя совершенно отлично от основной группы подсудимых во главе с цекистами. Состав суда Трибунала—т. Пятаков, председатель, т. т. Галкин и Карклин—члены. Обвинение представлено т. т. Крыленко, Покровским, Луначарским, Кларой Цеткин, Мунна, Баками.

За столами защиты: группа иностранных защитников в составе Вандервельде (председателя 2 Интернационала), Теодора Либкнехта, Курта Розенфельда, Вотерса, Мутте, Жданова, московские адвокаты—Тагер, Муравьев, Оцеп, Липскеров, группа защитников раскаявшихся: т. т. Бухарин, Овсянников, Знаменский, Садуль, Членов и мн. др.

«Суд идет. Прошу встать» — возвещается переполнившей зал суда публике. Все встают... за исключением обвиняемых эс-эров, возглавляемых цекистами. Эти демонстративно остаются сидеть с красными розами в петлицах, поднесенных чьей-то сочувствующей рукой. И так в течение последующих дней процесса.

С первого же дня подсудимые браврируют.

«Прошу слово для отвода суда и государственного обвинения» — выступает немедленно за открытием процесса лидер эс-эров Гендельман.

В чем его отвод? Обвиняемые эс-эры не желают признавать настоящего суда, ибо это, по их мнению, не суд представителей трудящихся всего мира (а они этого требуют!), это продолжение все той же политической борьбы, что велась за годы гражданской войны.

Обвинители не могут, так же как и суд, быть беспристрастны: они все представители различных коммунистических партий.

Группа раскаявшихся в лице Семенова заявляет о своем публичном полном признании суда Трибунала.

То же самое говорит представитель подсудимых боевиков.

От имени защиты защитник Муравьев делает отвод против обвинителя т. Крыленко на том основании, что присутствие его в составе обвинения противоречит одному из циркуляров Верхтриба, по которому членам коллегии ревтрибуналов запрещается выступать в качестве обвинителей по делам, судопроизводство по которым протекало в подведомственных им трибуналах.

Т. Крыленко возражает: циркуляр дан по периферии судебной коллегией Верхтриба и не может иметь силу, распространяющуюся на пленум Верховного Трибунала, председателем которого он является.

После короткого совещания Трибунал определил признать отвод против обвинения in concreto, равно против обвинителя тов. Крыленко, не заслуживающим уважения, так как судебная коллегия Верхтриба может быть приравнена к губернским революционным трибуналам, а не к пленуму Верхтриба, следовательно, и циркуляр судебной коллегии обязывать может только последнюю, но не пленум, по постановлению которого тов. Крыленко поручено обвинение.

По поводу отвода суда т. Садуль отмечает, что суд Трибунала не суд одной политической партии над другой, а суд классовый. Если бы гр. Вандервельде спросить о реакционном суде в Бельгии, то тот бы признал классовый характер его. Поскольку же во главе рабочего класса в Советской Республике стоит Коммунистическая партия,—руководство классовым судом, естественно, в ее руках.

Вандервельде (на франц. яз.) выражает протест против происшедшего, якобы, нарушения правовых гарантий, немыслимого в странах, представителем 10-миллионной массы трудящихся которых он является.

Т. Бухарин отмечает тот факт, что до сих пор иностранная защита говорила об исключительно юридической (из гуманитарных соображений) защите. Странно поэтому слышать от Вандервельде слова, с очевидностью говорящие о политической окраске защиты. Однако, группа защитников, им (т. Бухариным) представляемая, поднимает брошенную Вандервельде перчатку политической защиты и будет отныне постоянно иметь это в виду.

Подсудимые Гендельман и Тимофеев еще раз резко и бравадно подчеркивают нежелание признавать суд Трибунала и, вновь признавая процесс за продолжение политической борьбы, заявляют, что они боролись против советской власти, борются и **будут бороться**.

По завершении прений сторон Трибунал выносит постановление о признании незаслуживающим уважения отвода против суда ввиду того, что пролетарский суд, имея классовую сущность, безусловно будет пристрастен в сторону защиты прав рабочих.

Долго тянется процедура опроса обвиняемых о их имени, отчестве, фамилии, летах, происхождении, имущественном положении, партийной принадлежности, образовании и судимости.

Однообразные вопросы, почти однообразные ответы: «сын учителя»... «сын врача»... «сын купца»... «При советской власти не судился, но сижу в тюрьме без суда»... «Член партии социалистов-революционеров» (громко и гордо)... а другая раскаявшаяся часть подсудимых: «Член российской коммунистической партии» или «беспартийный».

Опрос обвиняемых закончен.

Выясняется наличие свидетелей. Их свыше 70 человек.

Прения о допущении к судебному следствию новых свидетелей, обсуждение просьбы обвиняемых и защитников о вызове новых защитников, реплики подсудимых и обвинителей, затем чтение громадного обвинительного акта—все это занимает несколько заседаний.

Здесь следует отметить интересный момент процесса, имевший место при обсуждении просьбы защиты о вызове в качестве защитника Гуревича.

Трибунал заявляет, что эта просьба в свое время была отклонена Верхтрибом. Однако, защитник Муравьев утверждает, что здесь произошло смешение однофамильцев. Один из Гуревичей отклонен, но сейчас речь идет о другом.

По этому же вопросу просит слова обвиняемый Гендельман, но председатель отказывает в виду того, что вопрос чисто процессуальный и возможны прения лишь защиты и обвинения.

Затем Трибунал постановляет, предоставить защите право подать в Трибунал письменное заявление о допущении к защите Гуревича.

Защитник Муравьев настаивает, что непредоставлением обвиняемым возможности высказаться Трибунал нарушил их права, предоставленные ст. 21 «Осн. Пол. о ревтрибуналах».

Обвинитель Крыленко возразил, ибо ст. 21 говорит о правах подсудимых лишь на протяжении судебного следствия, последнее же пока не начиналось.

Обвиняемые эс-эры, повидимому, твердо решили, воспользовавшись случаем, устроить obstruction, и, не обращая внимания на предложение Председателя Трибунала секретарю начать чтение обвинительного акта (что тот и исполняет), сначала Гендельман, затем Гоц громко, почти крича, требуют предоставления им слова. В зале слышно чтение обвинительного акта и выкрики, упорные, все более переходящие в прямые крики со скамей эс-эровской части подсудимых: «Мы требуем... Вы нарушили наши права... Вы затыкаете нам рты»... и, наконец, «нам нужен перерыв... мы требуем перерыва... председатель, объявите перерыв... мы должны обсудить, можем ли мы присутствовать здесь».

Обструкция по правилам парламентского искусства.

Председатель вынужден прервать чтение обвинительного акта и заслушать защитника Муравьева: «Я думаю, обвиняемым надо дать успокоиться и объявить перерыв».

«Если обвиняемые не умеют владеть собой и для успокоения им необходим перерыв, я его объявляю»—под общий смех заявляет Председатель Трибунала Пятаков.

Подсудимые уходят из зала суда, но... через 10—15 минут снова сюда возвращаются.

От имени части защиты и от имени обвиняемых защитник Курт Розенфельд (на немецк. яз.) обращается к Трибуналу с протестом против происшедшего, якобы, нарушения прав подсудимых и присовокупляет, что подсудимые решили остаться в зале суда, чтобы дать возможность «выяснить все обстоятельства дела».

Трибунал напоминает мотивы отвода просьбы обвиняемых и затем, после некоторого ряда формальностей, переходит, наконец, к чтению обвинительного акта, больше никем и ничем не прерываемому.

Невозможность хоть сколько-нибудь полно привести в выдержках лишь заключительную его часть:

«Предаются суду Верховного Трибунала ВЦИК по обвинению в деяниях, изложенных в исторической и особенной частях обвинительного заключения, следующие лица:

1) Гоц, Абрам Рафаилович, Донской, Дмитрий Дмитриевич, Герштейн, Лев Яковлевич, Лихач, Михаил Александрович, Иванов, Ни-

колай Николаевич, Ратнер-Элькинд, Евгения Моисеевна, Раков, Дмитрий Федорович, Федорович, Флориан Флорианович, Веденяпин, Михаил Александрович, Гендельман-Грабовский, Михаил Яковлевич, Морозов, Сергей Владимирович, Артемьев, Николай Иванович, Ратнер, Григорий Моисеевич, Тимофеев, Евгений Михайлович по обвинению, в том, что Гоц, Донской, Веденяпин и Гендельман, будучи избраны в центр. ком. партии с.р. на III съезде партии в июне 1917 г. и переизбраны в тот же ц. к. на IV съезде в декабре 1917 г., и Донской, Герштейн, Лихач, Иванов Н., Ратнер-Элькинд, Раков, Федорович, Тимофеев, будучи избраны в ЦК в декабре 1917 г., и Артемьев, Морозов и Ратнер Григорий в московское бюро ц. к.—в течение первой половины 1918 г. и вплоть по день ареста и затем, после такового, до X-го совета партии в августе 1921 г., будучи руководящими деятелями и ответственными вождями указанной партии, направляли деятельность этой партии в сторону использования всех ее средств и сил на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских советов и существующего на основании конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, для чего: 1) готовили и организовывали вооруженные восстания против советской власти в Петрограде и в Москве, создавая специальные военные организации и дружины, входя для этого в связь и контакт с иными контр-революционными организациями, принимая от них в тех же целях финансовую помощь, организуя совместно технические органы для вооруженного мятежа в виде боевых штабов, комендатур и проч., и поддерживая всеми средствами, кои имелись в их распоряжении, мятежи и восстания, где бы таковые не возникали.

2. От имени партии входили в сношения с представителями международного капитала в лице официальных представителей капиталистических государств Антанты в момент, когда последние находились в состоянии войны с РСФСР, способствуя последним в захвате ими территории Советской Республики, доставляя им сведения и информируя их о внутреннем положении страны и пользуясь от них военной, финансовой и технической помощью.

3) Входили с той же целью в сношения с белогвардейским командованием вооруженными силами, направленными против Советской Республики, именно с генералами Красновым, Алексеевым и Деникиным и возникшими на окраинах РСФСР буржуазно-националистическими к.р. центрами, именовавшими себя правительствами Украины, Кубани, Дона, способствовали всеми средствами укреплению возникавших контр-революционных центров, в особенности, в Самаре, на Севере, в Уфе и в Омске—под именем «Правительства Членов Учредительного Собрания» и направляемой последними вооруженной борьбе с Советским Правительством, путем государственной измены, шпионажа и предательства.

4) Организовали и руководили деятельностью боевых групп, специально созданных для учинения террористических актов против деятелей советской власти, взрывов железнодорожных путей и вооруженных ограблений советских учреждений и частных лиц, используя получаемые таким образом средства на продолжение той же контр-революционной работы.

Кроме того, предаются суду Верховного Трибунала: Иванова-Иранова, Елена Александровна, Агапов, Владимир Владимирович, Злобин, Павел Владимирович, Львов, Михаил Иванович, Ефимов, Федор Тимофеевич, Зубков, Федор Васильевич, Пелевин, Павел Николаевич, Усов, Константин Андреевич, Федоров-Козлов, Филипп Федорович, Дашевский, Иосиф Самойлович, Коноплева, Лидия Васильевна, Семенов, Григорий Иванович, Ставская, Фанни Ефремовна, Морачевский, Юрий Витальевич, Альтовский, Аркадий Иванович, Утгоф-Дерюжинский, Владимир Львович, Либеров, Александр Васильевич, Горьков-Добролюбов, Григорий Лаврентьевич, по обвинению в том, что, состоя членами различных партийных организаций партии с.р., совершали по директивам центрального комитета партии разновременно с 25 октября 1917 г. и по день ареста контр-революционные действия, направленные на свержение советской власти.

Наконец, по делу привлечены также б. с.р. Игнатъев и Берг, которым инкриминируется целый ряд контр-революционных выступлений.

С. 3—цев.

СУД и ЖИЗНЬ.

Из повседневных заметок судебного работника.

Самое крупное событие в жизни работников советской юстиции, занимающее, пожалуй, еще большее внимание, чем даже предстоящее введение в жизнь институтов прокуратуры и адвокатуры, это—начавшееся действие утвержденного ВЦИК'ом Уголовного Кодекса.

У судей, обвинителей и защитников только и разговор, что—кодекс, ставящийся настоящим «зеркалом законов».

В общей прессе (№ 125 от 8/VI «Изв.», ст. т. Славина) отмечались уже принципиальные достоинства

и преимущества нашего сов. кодекса перед общей-европейским законодательством.

Практические работники сов. суда, до сих пор воспитавшиеся исключительно на внутрисудейском убеждении—революционном правосознании, жадно перед началом процесса иногда глотают и «смакуют» каждую «букву» нового кодекса и обсуждают вопросы «применения», что вошло в утверждаемый кодекс из его проекта, что не вошло, что предусмотрено и что почему-либо упущено, и каждый понимает, что об «упущениях» покажет сама жизненно-судебная

практика (что как-раз и предусматривается в воспитательной части кодекса) и что текущая действительность властно требовала запечатления кодексом революционно-правовых норм.

И у самых объектов применения статей кодекса—подсудимых—к кодексу настолько интенсивный интерес, что первый вопрос подзащитных к правозаступникам теперь:—«а по какой статье»...

Передают, что пребывающие уже «на покое» в арестных домах и тюрьмах осаждают администрацию просьбами достать им и дать почитать кодекс.

В издательство Наркомюста за приобретением кодекса специально заходят и «присяжные нэпманы»—предприниматели, которых, конечно, больше всего интересует ставшая уже благодаря приговорам и решениям наших народных судов достаточно популярной для г. г. нэпманов ст. 132, в особенности, в дополнительной ее части.

Да, «незнанием законов отговариваться нельзя», и, в особенности, конечно, надо знать законы судработникам.

И в этом смысле весьма своевременно московский совнарсуд организовал несколько семинариев и беседований для московских судебных работников (судей, следователей и секретарей) по вопросам изучения, толкования и применения кодекса. В следующий раз будет дан отчет об этих собраниях московских судебных работников.

**

Правильно практикуется за последнее время многими народными судами наложение иногда весьма солидных штрафов на зарвавшихся «на радостях» преднэпом предпринимателей во всех случаях эксплуатации и нарушения кодекса законов о труде.

Но от срока наложения взыскания до срока его выполнения дистанция не всегда одинаково близка.

Находясь столь «предпринчивые» даже и в таких случаях предприниматели, что предпочитают уплате больших штрафов небольшую заменяющую ее выsidку, в особенности, принудительные работы, так как где только не сможет приспособиться Вовочка—нэпист.

Не лишенный остроумия выход из этого положения «нейтрализации» штрафных судебных решений придумал судья Кузнецкого уч. т. Зильберман, ставший применять в решениях замену, в случае неуплаты штрафов, принудительными работами по 1-й категории—вне пределов г. Москвы и Московской губернии.

Ясно, что перспектива «экскурсий» за пределы досягаемости предприятия в Москве заставляет г. нэпмана предпочесть быструю уплату наложенного штрафа подобной прогулке, отрывающей его от «работы».

*Пример—достойный подражания.

С. Никитин.

В смертельных об'ятиях Достоевщины.

В начале мая этого года мне в Детском Селе пришлось участвовать в качестве защитника по интереснейшему с психологической и индивидуалистической точек зрения уголовному процессу по обвинению 19-летней А. П. Моисеевой в убийстве 17-летней Е. А. Никитиной. Процесс, разбиравшийся особой сессией народного суда Детскосельского уезда, настолько интересен (эксперт—психиатр проф. Рейц сказал, что в его 20-летней практике по судебной экспертизе это дело одно из самых интересных) для юриста и всякого деятеля юстиции, что его следовало бы занести в анналы русской криминалистики. Об этом процессе и хочется сказать несколько слов.

Обвинялась гр. Моисеева в убийстве с заранее обдуманном плане с целью ограбления. Обстоятельства дела в кратких чертах таковы.—Вечером 9 февраля 1922 года дома остались гр. Моисеева и Е. Никитина (Лиза); мать последней ушла в хлев прибрать корову. Гр. Моисеева, взяв из чулана колун, подошла к Лизе, поцеловала ее в лоб, укрыла одеялом и нанесла первый удар колуном по голове. Лиза села на кровать, протянула вперед руки, Моисеева прижалась головою к зияющей ране жертвы, а потом еще нанесла 12 ран в голову Лизе и, в конце концов, видя, что Лиза еще трепещет, перерезала ей ножом дыхательное горло, после чего, завязав труп в одеяло, отнесла его в ванную комнату, прибрав все в спальне после убийства. В это время в дверь уже стучалась мать Лизы. Моисеева открыла дверь в сильном волнении и на вопросы матери о причине ее взволнованного вида, сказала, что не случилось ничего; в это время раздался хрип Лизы, убийство

было обнаружено; Моисеева сперва симулировала насчет грабителей, а потом созналась в преступлении. Моисеева жила в доме гр. Никитиных, познакомившись с ними года три тому назад в Москве, где репетировала Лизу в качестве члена семьи и иногда репетитора Лизы. Следователь в своем постановлении указывал на убийство с целью грабежа.

Процесс тянулся два дня и судебное следствие, прошедшее при закрытых дверях в виду необходимости выяснения самых интимных подробностей жизни Моисеевой, дало ценный психологический материал, который, будучи расположен в порядке, даст целую картину,—картину, которую использовал бы Достоевский, ибо герои этого процесса—еще герои, ибо мир, в котором совершено преступление и из которого вышла преступница—мир, с которым нас сблизил Достоевский, с которым он так был знаком и который так полно и трагически-отчетливо изобразил в своих томах. Драма души, прошедшая перед судом в процессе, несколько оказалась не меньше той драмы, реальной драмы, которая совершилась в семье Никитиных 9 февраля.

Родители Моисеевой не отличаются ничем особенным от тех повседневных людей, которых мы встречаем на каждом шагу, отец ее чиновник и выросла Моисеева в чиновничьей, серенькой семье, при ненормальных взаимоотношениях матери и отца, который, в конце-концов, оставил жену и всю семью (4 чел. детей), а сам уехал. Детство Моисеевой прошло как-то «беспризорно», она не получала руководства и воспитания, как и впоследствии, при получении среднего образования, когда школьное воспитание то-

же не шло параллельно с воспитанием родительским; таким образом, и в детстве, и в отрочестве обвиняемая была предоставлена самой себе, любила ходить с отцом на охоту и, по ее словам, любила смотреть, как трепещет убитая дичь. После окончания среднего образования Моисеева вместе с матерью и семьей, когда уже разрыв между матерью и отцом произошел, переехала в имение одного помещика, где мать получила место экономки; здесь Моисеева «сделалась, с ведома матери, жертвой помещика, который насильственным путем привязал к себе Моисееву и, путем насилия, стал ее женихом; эта драма не прошла бесследно для души Моисеевой. И она давно задумала о самоубийстве, искала и просила у знакомых яда и проч. Октябрьская революция застала Моисееву в имении, помещик бежал и эта девушка вновь перетерпела тяжелые насилия, которые также оставили свой след в ее душе. Тогда она бежала в Москву к отцу, где и познакомилась с семьей Никитиных и стала репетировать Лизу. С Лизой она совершила поездку в Детское Село, потом жила в Петрограде, училась в женском медицинском институте, а летом 1921 года служила в качестве руководительницы в детской колонии в Слуцке (б. Павловске) близ Детского Села, где ее любили дети, и она, в свою очередь, любила детей. Тут она случайно встретила Лизу Никитиной, которая стала звать ее к себе жить, так как родители последней переехали из Москвы в Детское Село на жительство. Моисеева, оставив колонию и пробыв несколько месяцев у отца в Петрограде, приехала в конце декабря 1921 года к Никитиным и поселилась у них, видя с их стороны хорошее отношение, причем мать—Никитина на предварительном следствии сказала, что они любили Моисееву, как родную дочь, но на судебном следствии старалась создать противоположное впечатление.

Семья Лизы не имела никакого воспитательного значения для дочери, так как Лиза, учившаяся в школе и по день своей смерти, умственно была более развита, нежели окружающие ее люди, которые не учитывали, что Лиза уже сложившийся человек, относились к ней по-детски и свое воспитание основывали на «позволении» и «непозволении» Лизе того или другого. Лиза была миловидна, у нее было много поклонников, ей не чужды были эротические настроения цыганских романсов, слова которых она переписывала и хранила у себя, товарищи и подруги относились к ней, как к женщине, а не девушке; Лиза, путаясь в окружавшей ее обстановке и задыхаясь от нее, приняла предложение одного молодого человека, но не порывала близких отношений и с другими поклонниками, что видно из ее дневника. Этот же дневник отражает в себе и другие настроения—приступы меланхолии, возникшие в Лизе от отношения к ней окружающих и от чада затхлой домашней обстановки; еще до приезда Моисеевой в дом Никитиных она пишет в дневнике о том, как ей хочется умереть и бросить проклятую жизнь.

Сталкиваются две натуры: одна надломленная, большая, мыслящая серьезно и определенно о самоубийстве (Моисеева), и другая—веселая, жизнерадостная, но иногда пугающаяся жизни и тоже нередко мечтающая о самоубийстве (Лиза). Отношения между Моисеевой и Лизой были хорошие, хотя Моисеева и отзывалась о Лизе, как о легкомысленном и

неуравновешенном человеке. Естественно, Моисеева стала влиять на Лизу, может-быть, и сама того не сознавая. Моисеева утверждает, что с Лизой они говорили о двойном самоубийстве и Лиза даже сама предпринимала иногда для этого шаги, закрывая на ночь печку с угаром и подливая в кушанье себе и Моисеевой четыре ампулки морфия для впрыскивания под кожу, но эти попытки не привели ни к чему.

И вот Моисеева, 9 февраля, вспомнив о «сговоре ее и Лизы о самоубийстве», по ее показаниям, увидав топор в чулане, вдруг сразу решила покончить с Лизой и с собой. Не во время пришедшая мать, услышавшая предсмертные крики Лизы из ванной комнаты, помешала, по словам Моисеевой, ее самоубийству и она поэтому стала симулировать налет бандитов, дабы, опять-таки, по ее словам, не навлечь на себя подозрения, дабы оставили ее в покое в доме Никитиных и—тем самым—дали бы ей возможность покончить и с собой. Но преступление было раскрыто по кровавым пятнам, обнаруженным на юбке Моисеевой. Моисеева говорит, что она замыслила об убийстве Лизы именно в этот день, сейчас, увидев колун в чулане, что она помнит еще первый удар в голову Лизы, а остального ничего не помнит; на вопрос защиты на суде о том, как Моисеева понимает понятие преступление, она ответить не смогла, а на вопрос эксперта «какие картины на нее произвели большее впечатление в Третьяковской галлерсе»—она ответила: «Иван Грозный, убивающий своего сына». Эти ответы, судебно-психиатрическая экспертиза, обстановка и смутные поводы убийства заставляют думать, что Моисеева больной, ненормальный человек.

Экспертиза признала, что Моисеева находится на грани нормальности и ненормальности с уклоном в сторону последней, причем у Моисеевой наблюдается уменьшенная вменяемость, неполное сознание своих действий, чувственная тупость, дисгармония между умом и нравственным чувством (раздвоение личности), отсутствие нравственного чувства и болезненная объективность к самой себе и к своим поступкам.

Государственный обвинитель, основываясь на обстановке дела и на заключении эксперта, и защита ходатайствовали перед судом о применении к Моисеевой ст. 14 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, каковая говорит о том, что субъекты, одержимые душевными болезнями в момент совершаемого деяния или в момент вынесения приговора, подлежат лечению в лечебных заведениях и к ним применяются меры предупреждения, но не меры наказания. Эксперт проф. Рейц настаивал на этом же.

После двухчасового совещания особая сессия народного суда вынесла свой приговор: признать Моисееву виновной в заранее обдуманном убийстве, но не с целью грабежа, и приговорить к 5 годам содержания в исправдоме с психиатрическим лечением в виду некоторой психической ненормальности Моисеевой. Моисееву этот приговор не удовлетворил и теперь она его кассирует в Петроградский губернский суд.

Публика, наполнившая зал суда сверх меры во время прений сторон и чтения приговора, выслушала приговор спокойно, но толпа, стоявшая на улице и не смогшая проникнуть в зал заседания и не знавшая по делу, кроме темных слухов и сплетен, ничего,

была не удовлетворена и это высказалось в выкриках, когда Моисееву из зала суда проводили в арестный дом.

Процесс, прошедший перед нами—исключительный; он ждет своего тонкого описателя, который бы разобрал все мельчайшие психологические подро-

сти и факты, грубо очерченные здесь, ждет писателя, который на этой канве может создать роман глубокой трагедии несчастной девушки, воспитывающейся и жившей в слишком ненормальных условиях.

А. П.

САМОСУД.

В ночь на 23 октября 1921 года у амбаров около дер. Юрьева Сигорской вол., Угличского у., Рыбинской губ., были задержаны подозреваемые в покушении на кражу граждане: дер. Гориц той же волости Василий Сиявин и дер. Дреплева Василий Блинов. Последнего по удостоверению личности отпустили и он ушел из дер. Гориц к себе в Дреплево, но, спустя некоторое время, к его избе явились в полном составе гр-не обоих названных деревень. Вытащив Блинова на улицу, стали наносить ему удары кулаками, но скоро оставили и хотели отпустить. Присутствовавший тут гражданин Василий Шеханов предложил толпе: «Выведем их за деревню и уьем». Тогда Сиявина и Блинова вывели за деревню Дреплево по направлению к дер. Горицам и стали избивать их камнями. Василия Сиявина бил сырым, еловым, в два вершка толщины котом Семен Сиявин, а Василия Блинова, сломав несколько колеб, бил Иван Муравьев. Василий Шеханов все время кричал, чтобы избившие продолжали, давая советы, по какому месту ударить. Когда Блинова его дочерям удалось оттащить, то Шеханов велел своему сыну вернуть Блинова, чтобы добить, но распоряжение это исполнено не было, т. к. дочерям Блинова удалось увести отца домой. Василий Сиявин в скором времени от побоев умер. При медицинском осмотре трупа Василия Сиявина оказалось, что все тело покойного было покрыто кровоподтеками, при чем сплошной кровоподтек был по всей темной и левисочной части головы. Смерть Сиявина последовала от сильного кровоизлияния в мозг. При освидетельствовании же Василия Блинова обнаружена на границе левой темной и затылочной костей значительная резаная рана 3—4 сант. длиной и кровоподтеки на разных частях тела, каковые повреждения отнесены врачом к разряду легких.

Привлеченные к следствию в качестве обвиня-

емых Сиявин, Муравьев и Шеханов виновными себя не признали и объяснили: Сиявин,—что задержанных били все собравшиеся около 200 человек, сам же он только кричал: «Бейте их, не жалейте»; Муравьев, что он, не участвуя в нанесении побоев, только отталкивал дочерей Блинова, защищавших отца, и Шеханов, что он в этой толпе не был, ссылаясь на свидетеля Николая Васильевича Смирнова. Однако, последний объяснил, что он ушел с Шехановым с собрания, когда дочери Блинова уже увели избитого отца домой.

Ввиду вышеизложенного Семен Сиявин—56 лет, Иван Муравьев, 19 лет, и Шеханов, 60 лет, были преданы народному суду 7-го р. Угличского у. с шестью заседателями по обвинению в том что, 1) Сиявин в ночь на 23 октября 1921 г. около дер. Дреплева Сигорской вол. нанес колом побои задержанному по подозрению в покушении на кражу гражданину Василию Сиявину, последствием каковых побоев была смерть Сиявина; 2) Муравьев нанес тогда же и там же побои колом задержанному вместе с Сиявиным гр-ну Василию Блинову, результатом каковых была рана на голове и кровоподтеки по телу, отнесенные врачом к разряду легких повреждений, и 3) Шеханов тогда же и там же подстрекал как названных выше гр-н, так и всю толпу к нанесению побоев Сиявину и Блинову, побуждая все время криками к избиванию.

31 марта с. г. настоящее дело слушалось в народном суде 7-го р. Угличского у., при чем суд, находя обвинение вполне доказанным, приговорил: гр-н Василия Ивановича Шеханова и Семена Петровича Сиявина подвергнуть лишению свободы на три года каждого и гр-на Ивана Дмитриевича Муравьева тому же наказанию сроком на 2 года, сократив им сроки наказаний по амнистии к 4-ой годовщине Октябрьской Революции.

Из деятельности Народного Комиссариата Юстиции. В коллегии Наркомюста.

За период времени с начала мая до половины июня коллегией Наркомюста рассмотрен ряд больших принципиальных вопросов, важнейшие из которых ниже представляются вниманию читателей.

Приняты за основу предстоящей в недалеком будущем судебной реформы следующие положения: структура Высшего Кассационного Суда определяется, во-первых, слиянием Отдела Высшего Судебного Контроля Наркомюста с кассационной коллегией Верховного Трибунала ВЦИК; во-вторых, от-

несением к ведению Высшего Кассационного Суда: а) кассации приговоров ревтрибуналов и особых сессий по гражданским и уголовным делам, б) высшего судебного контроля по делам, разобранным в кассационном порядке советами народных судей, и, в-третьих, слиянием президиумов совнарсутов и ревтрибуналов в целях создания единства руководства на местах.

III Сессией ВЦИК на Наркомюст возложена обязанность разработать и провести ряд законов в развитие принятого сессией закона об имущественных

правах, которые, таким образом, составили бы кодекс гражданских законов. Сложность разработки такого кодекса, совершенно очевидная, с одной стороны, необходимость беззамедлительного урегулирования гражданских взаимоотношений, также не менее ясная, с другой, приводят к целесообразности издания теперь же отдельных новелл на основе закона об имущественных правах.

В первую очередь должны быть опубликованы декреты: 1) о праве застройки и 2) о наследовании.

Проект первого декрета уже разработана НКВД и находится в стадии согласования его с Отделом Законод. Предположений Наркомюста. Последним же в настоящее время во исполнение постановления коллегии НКЮ разрабатывается и предварительный проект второго декрета.

Признано, что вопрос о торговых сделках должен быть включен в общий кодекс об обязательственных правах с использованием в качестве материалов уже принятого М. СНК кодекса законов об обязательствах и подготовленных материалов отдельных ведомств.

Рассмотрен проект положения о примирительных камерах и третейских судах. Первые из них учреждаются для разрешения конфликтов, возникающих между администрацией предприятия или учреждения и проф. организацией рабочих или служащих при выполнении коллективных договоров, при изменении их, а также для разрешения всех иных конфликтов, возникающих между сторонами, при чем при наличии в нарушении признаков уголовных деяний, предусмотренных ст. ст. 132—135 Угол. Кодекса, дело подлежит безусловной передаче в народный суд.

Отсутствие соглашения в примирительной камере влечет за собой при желании любой стороны передачу дела в народный суд для предъявления иска или же при соглашении сторон дело разрешается третейским судом на общих основаниях.

Соглашение сторон может также предопределить направление дела не в примирительную камеру, а в третейский суд непосредственно.

В связи с изложенным решено войти в соглашение с Наркомтрудом о переработке внесенного им положения о третейских судах.

Далее, принят проект декрета об узаконении совершенных до издания закона 8 августа 1921 г. сделок по отчуждению немунципализированных строений в городах.

Проектом предусматривается разрешение лицам, получившим в свое владение и пользование строения в городах за время с 18 дек. 1917 г. до 8 авг. 1921 г., окончательно укреплять эти владения за собою, совершив законом устанавливаемые для этого формальности. Необходимо свидетельство нарсуда о беспорочности права владения и справка о невладении строениями в другом месте. Узаконение владения в сельских местностях строениями, связанными с земледельческим хозяйством, предваряется соглашением на то уисполкома.

Наконец, в самые последние дни было принято решение, имеющее большое принципиальное значение в смысле дальнейшего толкования положения о жилищных товариществах. Необходимо было установить момент, являющийся основным и дающим право на жилое строение.

Согласно точному смыслу положения о жилищных товариществах, изданного Президиумом Московского Совета 3 сентября 1921 года, и нормального устава и исходя из хозяйственных соображений, лежащих в основании организации жилищных товариществ, Коллегия Народного Комиссариата Юстиции постановила признать решающим моментом, дающим право на жилое строение, заключение договора, сопровождающееся актом о сдаче и приеме фактического владения домом, а не регистрацию жилищного товарищества.

Практика Высшего Судебного Контроля.

I. Жилищное товарищество приобретает право на дом с момента приема владения по договору, а не регистрации т-ва.

По иску жилищного товарищества дома № 20, по Лялину пер., к Московскому коммунальному хозяйству об обязанности его заключить договор аренды и об отмене постановления конфликтной комиссии от 27/XII—1921 года о неразрешении учреждения жилищного товарищества в доме № 20, как переданном в аренду рабочим русско-американского инструментального завода, народный суд по особой сессии 18/II постановил: в иске жил. т-ву отказать, признать договор, заключенный заводом с МКХ в силе, а устав жилищного т-ва аннулировать. Это решение по утверждению совнарсудом обжаловано представителем жилищного т-ва в порядке высшего судебного контроля. Заслушав весь материал, Народный Комиссариат Юстиции нашел:

Учреждение жилищных товариществ имело целью улучшение состояния жилищ, но последнее слово в каждом отдельном случае, с точки зрения хозяйственной, нельзя не предоставить заинтересованному учреждению—комхозу. Нормальный устав в п. 3-м указывает, что «с момента регистрации т-ва владение,

вместе с находящимися на нем жилыми строениями, изымается из ведения соответствующего квартального управления и передается т-ву по особому акту в приемке и сдаче владения с заключением договора с ЦЖО МКХ и приложением: а) описи ремонта; б) инвентарной описи и в) характеристики владения». Этот пункт соединяет воедино два момента—момент регистрации и момент заключения договора, так как авторы нормального устава не предусмотрели случая, когда комхоз почему-либо откажется заключить договор. Интересно отметить, что изложение порядка возбуждения ходатайства (стр. 23—25, официальное издание Московского коммунального хозяйства) предусматривает ряд моментов—регистрацию, общее собрание (не позднее 7-ми дней), избирающее уполномоченных для заключения договора, проверка представителя ЦЖО на месте представляемых уполномоченными сведений по приложению № 5, 6 и 7 (не позднее 3-х дней) и заключение самого договора (не позже следующего дня—приложение 8) и, наконец, составление акта о сдаче и приеме владения (прил. 9). Далее указано, что «с момента подписания этого акта владение поступает в распоряжение т-ва на условиях, указанных в договоре нормального или специально утвержденного устава».

Последний абзац и доказывает, что, хотя п. 3 й нормального устава в одном пункте слил момент регистрации и момент заключения договора, но на самом деле они раздельны, и до тех пор, пока договора нет, акт регистрации составляет акт образования юридического лица, получающего сразу, до заключения договора, жилище в свое управление от квартального управления. В этом одном, фактически этот переход и состоит в самом начале, как это видно из текста ст. 2-й.

Основным моментом, дающим право на жилое строение является не регистрация жилищного товарищества, а акт о сдаче и приеме владения, т.е. момент заключения договора.

Нужно помнить, что исключительно хозяйственные соображения повлияли на образование в Москве жилищных товариществ, но власть, без всякого сомнения, не имела в виду связать Комхоз по рукам и ногам и заставить его подписать договор, если Комхоз случайно пропустит 17 дней с момента подачи заявления о регистрации жилищного т-ва. (п. 5 обязательного постановления Московского коммунального хозяйства о порядке регистрации жил. т-ва. (п. 5 обязательного постановления Московского коммунального хозяйства о порядке регистрации жил. т-ва). Установление срока в 6 лет, право на дополнительные пункты договора не могло бы быть использовано комхозом, если бы он был связан окончательно регистрацией жилищного т-ва. Правда, регистрация может быть уничтожена судом, как это было и в настоящем деле, но Комхоз не обязан после регистрации подписать только нормальный договор, если на этом будет упорствовать жил. т-во, а не другой, какой, по соображениям хозяйственным, нашел бы нужным Комхоз.

Таким образом, ни общие соображения, ни текст нормального устава и других цитированных материалов не дают основания для вывода, что Комхоз обязан заключить договор с ж. т-вом, раз последнее зарегистрировано.

Для настоящего дела не имеет юридического значения то обстоятельство, что Комхоз отдал помещение другому контрагенту. Важно одно, что Комхоз не желает заключить договора с ж. т-вом, что составляет его дискреционное право. Поэтому надлежит оставить без рассмотрения весь материал, касающийся вопроса о том, кому целесообразнее отдать дом—это исключительно дело Комхоза и его компетенции, тем более, что иск предъявлен к Комхозу. Отсюда вытекает, что выселение жильцов означенного дома подчиняется общему порядку, т.е. выселение каждого из живущих в доме может последовать лишь в судебном порядке, если только означенный дом не признан домом-коммуной. Из обстоятельств дела не видно, чтобы состоялось постановление Президиума Московского Совета об изъятии означенного дома из общего пользования и передачи рабочим на правах дома-коммуны, что касается распоряжения секции рабочих домов Городского района, то такое неправомерно. Вот почему административное выселение живущих в доме незаконно и тем более потому, что договор МКХ с заводом дает лишь обыкновенное право аренды, а не исключительное владение на правах дома-коммуны.

На основании изложенного Народный Комиссариат Юстиции определил: согласиться с заключением Московского отдела юстиции и жалобу правления жилищного товарищества оставить без последствий; пред-

ложить отделу юстиции произвести расследование о самовольном выселении; постановление Отдела ВСК о приостановлении выселения отменить, как излишнее, в виду данного разъяснения о порядке выселений. (Определение по гражд. делу № 541—1922 года).

II. Сельское общество может быть юридическим лицом.

Народный суд 6 участка Саранского уезда, Пензенской губ., по иску Веретейникова Евдокима с Удинского общества об убытках за потраву иск удовлетворил, а губсовнарсуд дело прекратил ввиду того, что иск предъявлен к удинскому о-во в целом, а такое, по мнению совнарсуда, не является юридическим лицом. Ознакомившись с обстоятельствами данного дела, Народный Комиссариат Юстиции не может согласиться с прекращением дела по мотиву, приведенному губсовнарсудом, а именно, что сельское о-во не является юридическим лицом, и согласно с заключением губотюста не находит в советском праве подтверждения мнения совнарсуда, что сельское о-во, как таковое, не может ни при каких условиях фигурировать, как юридическое лицо.

Таким образом, прекращение дела по приводимому поводу является неправильным и губсовнарсуд в результате таких толкований уклонился от рассмотрения кассационной жалобы по существу ее содержания. Потому коллегия Отдела Судебного Контроля определила:

решение Пензенского губсовнарсуда считать не имеющим законной силы, а дело передать для нового рассмотрения в тот же совнарсуд в другом составе. (Определение по уг. делу № 1943—1921 г.).

III. Обязательное привлечение в качестве заинтересованной стороны Комхоза, если вопрос касается имущества, подлежащего учету.

Народный суд Мясницкого уч. г. Москвы по иску гр. Баум к Бродскому о возврате мебели определил иск удовлетворить. Между тем, согласно ст. 2 декрета о порядке истребования б. собственниками движимого имущества от фактического владельца от 16-го марта с. г. движимость может быть истребована обратно лишь в том случае, если утрата б. владельцем пользования этими вещами произошла не более чем за два года до издания декрета, в настоящем же случае оставление истцом своей мебели имело место, как он сам говорит, в октябре 1918 г., т.е. более чем за три года, почему право на возвращение мебели истцом должно считаться утраченным.

Судом не установлено договора между сторонами о хранении, предусмотренного прим. 1 п. «б» к указанной статье, при наличии какого-либо ограничения двухлетнего срока отпадает, но даже если бы такое соглашение и состоялось тогда, т.е. в октябре 1918 года, то оно, как явно незаконное и клонившееся к заведомому для обеих сторон намерению скрыть имущество, подлежащее учету органов власти, не может считаться действительным, поэтому народный суд при разборе этого дела обязан был в охрану интересов Республики привлечь к делу в качестве третьего лица Москомхоз, от которого и зависело бы заявить на это имущество самостоятельные права, ибо гр. Бродский не может почитаться законным владельцем, так как он, получив квартиру вместе с мебелью, не сдал ее на учет комхозу, как это требовалось в то время.

Кроме того, суд постановил решение по настоящему делу, указав, что оно «не заочное», потому что ответчик, получив повестку, не явился, но такие именно решения и являются заочными, ибо, если бы ответчик вовсе повестки не получил, то, очевидно, невозможно было бы постановить никакого решения.

По этим соображениям Народный Комиссариат Юстиции определил: согласно с заключением Моск. губернского отдела юстиции решение по настоящему делу отменить и дело передать в другой народный суд г. Москвы для нового рассмотрения.

(Определение по гражд. делу № 224—1922 г.).

V. Решение суда почитается исполненным, если требование, изложенное в решении, фактически исполнено.

Решением народного суда 5 уч. Скопинск. у., Рязанской губернии, от 13 ноября 1919 года было постановлено признать мельницу, построенную гр-ном Пономаревым, опасной в пожарном отношении и обязать его перенести ее в другое место для устранения опасности. Гр. Пономарев в 1921 г. возбуждает ходатайство о разрешении ему открыть мельницу на прежнем месте, так как он произвел ряд переделок и приспособлений, устраняющих опасность.

На этом основании народный суд возбуждает просьбу о разрешении пересмотреть прежнее решение.

Между тем, в таком пересмотре никакой надобности не имеется. Требование о переносе мельницы имело значение не как таковое, а лишь как устранение опасности и потому, если только эта цель достигнута, хотя бы и другими путем, то решение должно почитаться приведенным в исполнение.

3) Однако, удостоверение и проверка этого факта, т.-е. действительного приведения мельницы в безопасное состояние, должно быть произведено судебными органами с участием сторон, почему суд должен был назначить осмотр ее с участием сведущих лиц и с вызовом истца и ответчика, а не удовлетвориться внесудебным актом осмотра.

По этим соображениям Народный Комиссариат Юстиции определил: разъяснить народному суду вышеуказанный порядок разрешения дел подобного рода, предложив ему проверить таким путем действительность исполнения требования суда о приведении мельницы в безопасное состояние.

(Определение по гражд. делу № 536—1921 г.).

V. Решение суда для третьих лиц, не привлеченных к делу, не обязательно. Требуется предъявление к этим лицам самостоятельного иска.

В марте 1919 года у гр-на Ольшевера в гор. Бежецке по подозрению в спекуляции был произведен обыск, во время которого у него отобрано было разное имущество.

По решению народного суда от 26-го июня 1919 года, утвержденному совнарсудом, часть отобранных вещей была Ольшеверу возвращена, часть была заменена другими, а остальные вещи не выданы Ольшеверу ввиду раздачи их неимущим гражданам, как это видно из представленной к делу ведомости. Исполнительный лист с соответственной подписью губсовнарсуда и судебного исполнителя возвращен обратно в суд. Тем не менее гр-н Ольшевер вошел с ходатайством в суд о возврате ему стоимости невозвращенных предметов по оценке сведущих лиц и в уважение этого ходатайства дело было назначено судом ко вторичному слушанию на 3-е января 1922 года. В этот же день поступил протест со стороны бежецкого исполкома, который 7 февраля 1922 г. представил все дело со своим постановлением непосредственно в Наркомюст в порядке ВСК для отмены решения народного суда от 26 июня 1919 года о возврате Ольшеверу конфискованного у него имущества.

Принимая во внимание, что к отмене решения народного суда от 26 июня 1919 года и утвердившего его решение совнарсуда за давностью времени нет основания, тем более, что решение частью уже приведено в исполнение, что в отношении вещей, переданных в порядке распределения другим лицам, решение народного суда не имеет обязательной силы, так как все фактические пользователи вещей не участвовали в суде в качестве ответчиков и к ним мог бы быть предъявлен самостоятельный иск, — но ныне Ольшевер, как бывший собственник их, утратил это право в силу декрета от 16 марта 1922 года о порядке использования имущества бывшими собственниками. Коллегия Отдела Судебного Контроля постановила:

Дело возвратить в народный суд с вышеуказанными разъяснениями.

Ходатайство о признании решения народного суда незаконным оставить без удовлетворения.

(Определение по гражд. делу № 286—1922 г.).

ХРОНИКА.

Общество работников советского права при И. С. П.

От временного правления.

Первое в мире рабочее государство, перестраивая всю хозяйственную и общественную жизнь народа, осуществляет, осуществляет и должно осуществлять и в области права колоссальную по своей сложности задачу. Ставший у власти рабочий класс проявляет здесь свой творческий гений — из развалин старого уклада по воле рабочих масс вырастают и постепенно складываются принципиально новые правовые формы.

Новая экономическая политика не изменила основного направления советского строительства. Но задачи, встающие перед советским правом и им разрешаемые, сделались при новой экономической политике значительно более сложными и многогранными. Советское право охраняет теперь как удержанные в руках пролетарского государства командующие высоты — национализированную крупную промышленность, транспорт, внешнюю торговлю, — так и область частноправового оборота. Охраняя хозяйственное строительство как государства, так и отдельных граждан о про-

извольных нарушений или срыва, советская власть с особым вниманием продолжает стоять на страже интересов трудящихся и обеспечивает полную силу законам, их ограждающим. Линия развития советского права попрежнему направлена вперед к дальнейшему укреплению пролетарской диктатуры и ко все более полному осуществлению основных лозунгов Октябрьской революции.

Революция всегда стремилась отлить свои достижения в области строительства новой жизни в началах и формах революционной законности; но заложить для этого твердую и прочную основу пролетариат получил возможность только после того, как вырвался из кольца железа и крови, из моря огня. Правовой опыт, накапливавшийся в сознании рабочих и крестьянских масс на протяжении всего периода революции, ныне закрепляется в ряде крупнейших законодательных актов. В числе прочих, уже утверждены Уголовный и Уголовно-Процессуальный Кодексы, декларация об основных имущественных правах и новый закон об укреплении крестьянского землепользования. Предстоит и отчасти уже начата разработка Гражданского и Гражданско-Процессуального Кодексов и ряда других кодексов.

Систематически разрабатывать советское право, разъяснять его широким массам трудящихся, прилагать его к запросам и потребностям их жизни, сравнивать его с этими потребностями и, сравнивая, действовать его улучшению и совершенствованию— вот та большая и ответственная работа, которая теперь выпадает на долю практиков и теоретиков советского права. Не порознь, не вразброд, а только общими усилиями, при объединении всех советских юристов, может быть выполнена такая работа. Общество работников советского права и ставит своей задачей разработку вопросов советского права, объединение его работников и распространение знаний о нем в широких трудящихся массах.

Учрежденное группой коммунистов из Института советского права и из кружка юристов-марксистов, общество работников советского права не органичивает круга своих членов рамками партийности или принадлежности к определенному теоретическому мировоззрению и зовет в свои ряды всех теоретиков и практиков права, определенно стоящих на платформе рабоче-крестьянской советской власти.

Временное правление общества.

Учредителями общества являются т. т.: Андрей Берман, Бранденбургский, Бройдо, Вольфен, Каташкин, Козырев, Крыленко, Кузовков, Курский, Левитин, Лисицын, Лукин, Магеровский, Михайлов, Овсянников, Постников, Рогов, Саврасов, Сапожников, Славин, Смирнов, Татаринцев, Черлочанкевич, Члегов, Ширвинд, Эстрин, Эйдукевич.

Запись в члены общества принимается: в Наркомюсте у т. Лисицына, в губюсте у т. Эстрина, в совнарсуде у т. Лунина.

Устав общества.

1. Общество имеет своей задачей разработку вопросов советского права, объединение его работников и распространение знаний о нем в широких трудящихся массах.

2. Членами общества могут быть: а) работники советской юстиции б) научные работники Института советского права, в) профессора и преподаватели права в учебных заведениях, г) лица, имеющие научные труды в области права, д) лица, выполняющие юридическую работу в советских учреждениях и в общественных организациях. В особых случаях в члены общества могут быть приняты по постановлению правления также и иные лица, участие которых в деятельности общества признается правлением полезным.

3. Члены общества принимаются постановлениями правления общества по рекомендации двух членов общества.

4. Члены общества могут быть исключены из него общим собранием по мотивированному представлению правления о недопустимости дальнейшего пребывания данного лица в числе членов общества.

5. Для заслушивания докладов правления о работе общества и разрешения всех возникающих в жизни общества вопросов члены общества собираются не реже одного раза в 3 месяца на общее собрание. Правление обязано созвать общее собрание в недельный срок по требованию $\frac{1}{5}$ членов общества. Общее собрание правомочно при явке на него не менее $\frac{1}{3}$ наличных в Москве членов общества. При неявке на общее собрание определенного настоящим § числа членов вторичное собрание, созываемое правлением в недельный срок, действительно при любом числе присутствующих членов.

6. Устав может быть изменен лишь в том случае, если за изменение выскажется на общем собрании большинство в $\frac{2}{3}$ присутствующих на нем членов при условии утверждения принятых изменений ученой коллегией Института.

7. Общее собрание членов общества избирает сроком на 1 год для руководства текущей его работой правление из 7-ми членов и 3-х кандидатов, а также избирает ревизионную комиссию из 3-х членов и 1 кандидата. Равным образом, общим собранием избираются необходимые для руководства отдельными отраслями работы комиссии—клубная, библиотечная и проч., каковые комиссии в своей деятельности подчинены и подотчетны правлению общества. Члены правления и всех комиссий могут быть в любое время отзываемы постановлениями общего собрания.

8. Для согласования работы Института советского права и общества работников сов. права ученой коллегией Института делегирует в состав правления своего представителя, а правление общества в свою очередь делегирует своего представителя в ученую коллегию Института.

9. На правление возлагается:

- а) принятие членов общества;
- б) разработка плана научной работы общества, представление его на одобрение общего собрания и проведение означенного плана в жизнь;
- в) организация секций и комиссий для разработки отдельных правовых вопросов, объединение и систематизация результатов их работы;
- г) организация популярных лекций по советскому праву;
- д) установление и поддержание тесной связи с аналогичными обществами РСФСР и согласование пе-

оретической работы общества с работой Института советского права;

е) созыв собраний членов общества для заслушивания докладов, подыскание докладчиков, намечание тем докладов, подлежащих заслушанию на собраниях членов общества, ознакомление с тезисами докладов и своевременное осведомление о них членов общества, определение очереди докладов;

ж) представление вытекающих из работы общества практических предложений и законопроектов в Наркомюст и другие наркоматы;

з) принятие от членов общества предложений и запросов по вопросам советского права, направление таковых для рассмотрения в самом обществе или в советском порядке и, вообще, принятие мер к разъяснению неясных или спорных вопросов советского права;

и) принятие мер к облегчению членам общества ознакомления с литературой по вопросам права, а также общественным и социальным вопросам;

к) содействие организации клуба, изыскание средств на его открытие и содержание, руководство работой соответственной комиссии, утверждение составляемых ею сметных и прочих предположений;

л) своевременный созыв общих собраний общества и выполнение всех их постановлений;

м) сбор членских взносов и распоряжение всеми средствами, поступающими в распоряжение общества;

н) изыскание средств на покрытие всех расходов общества, устройство на усиление доходов общества платных докладов и т. п.;

о) заключение всякого рода договоров и сделок от имени общества;

п) представление общему собранию членов общества годового отчета, предварительно проверенного в ревизионной комиссии.

10. Правление общества выделяет президиум в составе председателя, секретаря и казначея и приглашает необходимый технический персонал.

11. Правление имеет печать общества с обозначением наименования последнего.

12. При вступлении в общество членами вносится вступительный взнос в размере 100 р. (выпуска 1922 г.)

13. Членский взнос вносится членами общества ежемесячно в размере 50 р. (выпуска 1922 г.). Члены, не внесшие членских взносов за три последовательных месяца, признаются выбывшими из состава общества.

Примечание: Правлению предоставляется право изменять размер вступительного и ежемесячного взноса.

14. При ликвидации общества постановлением общего собрания имущество и средства его передаются Институту советского права.

НА МЕСТАХ.

Петроградская губ.

Постановлением коллегии губотюста произведена реорганизация исправтруда, который разделен на две части: административную и хозяйственную. Первая из них будет объединять ныне существующие: секретариат, распределительное отделение, губраспредкомиссию, статистику и общую канцелярию, а вторая будет объединять: хозяйственно-вещевое отделение, техническо-строительное отделение, отделение организации работ, агрономическое отделение и центральный склад.

Уральская губ.

Вследствие бандитизма и бедности путей сообщения связь с центром очень плоха: третий месяц органы юстиции не получают ни циркуляров, ни «Известий ВЦИК» и потому не в состоянии следить за декретами и не в курсе движения правовой мысли. Недостаток квалифицированных работников, сокращение штатов и отсутствие средств тормозят работу.

Иваново-Вознесенская губ.

В виду отсутствия средств губотюст лишен возможности обеспечить нарсуды квитанционными книжками и тем самым гарантировать контроль и учет поступаемых сборов. Народные судьи не могут выезжать в волость, нарследы — на следствия.

Сев.-Двинская губ.

Губсовещание деятелей юстиции, констатируя удовлетворительную постановку судопроизводства в губернии, признало необходимым совнарсуду и особой сессии народного суда организовать периодические

выездные сессии на фабрики, заводы, крупные селения и уездные города для рассмотрения уголовных и гражданских дел на местах.

Алтайская губ.

Необеспеченность народных судей ставит их в полную зависимость от населения и порождает вопиющие факты. Совнарсуду известен случай привлечения нарсуды к ответственности за нищенство. Народный судья, как гласит обвинительный материал, одевал рваные обулки, брал котомку и ходил по селам попрошайничал, прося подаяния и у лиц, состоящих у него под судом.

Ново-Николаевская губ.

Работники юстиции не получают жалования с февраля месяца с. г. Нет средств на покупку канцелярских принадлежностей. Ввиду сокращения штатов нарсуды перегружены работой. Квалифицированные работники не идут работать в органы юстиции, а наличный состав народных судей малограмотен и с работой справиться не в силах.

Нижегородская губ.

Губернское административно-правовое совещание РКИ констатирует, что губотюст сделал большие достижения в деле персонального подбора работников, что повлекло за собою поднятие интенсивности работы органов юстиции.

Ярославская губ.

Пленум губисполкома, констатируя увеличивающуюся преступность и количество поступающих в нарсуды дел, с одной стороны, и слабость судебных юр-

ганов, с другой, объявляемую рядом как объективных, так и чисто местных условий, постановил: 1) губотпосту обратить особое внимание на тщательное инструктирование судей и следователей, как путем регулярных ревизий и обследований камер, так и циркулярами в области судебной работы, 2) принять подготовительные меры к проведению в жизнь постановлений ВЦИК, в частности, по организации прокуратуры, адвокатуры и проч., 3) обратить особое внимание на работу исправтруда в области рационального и максимального использования труда заключенных, 4) предложить губземотделу отвести достаточное количество бросовых земель для развития сельскохозяйственных колоний исправдома, 5) предложить всем исполкомам предоставлять средства передвижения судьям и следователям в счет 10% трудгуженалога с соблюдением инструкции и правил установленных губтрудом и губэконосо, 6) учитывая крайне бедственное материальное положение судебных работников, несущих большую моральную и фактическую ответственность на своих местах, просить Президиум ВЦИК и ВЦСПС о переводе ответственных работников-судей, следователей, членов ревтриба и др. в 1-ю группу промышленных работников, а весь технический подсобный аппарат перевести из 5 ой группы в 4-ю.

Вотская автономная область.

Работники юстиции не получают жалования со второй половины января месяца. За март месяц получили паек: 9 фунтов овсяной муки, 17 яиц, 70 золотников сахара, 1 фунт масла, 12 золотников мыла, коробку спичек, немного кофе и махорки. Следователям

не дают денег на разъезды и трупы лежат не-вскрытыми.

Омская губ.

Личный состав нарсудей разделяется: 1) по партийности: коммунистов—35, беспартийных—21, 2) по образованию: высшее—9, среднее—11, низшее—36, 3) по социальному положению: крестьян—31, рабочих—11, интеллигентов—9.

Корельская трудовая коммуна.

Несмотря на неблагоприятные экономические условия и на охвативший Корелию белофинской бандитизм, работа органов юстиции протекает нормально. Народные суды пользуются полным доверием и симпатиями широких народных масс. Большим тормазом в работе органов юстиции является отказ милиции от вручения повестов.

Татарская республика.

Положение органов юстиции в некоторых кантонах ввиду тяжелого экономического положения катастрофическое: часть сотрудников уволилась, часть от голодовки заболела, вследствие чего работа почти совсем приостановилась. Места заключения в гор. Казани в самом тяжелом положении: нет дров, ямы переполнены, вещевого довольствия для заключенных и надзора недостаточно. Из-за уменьшения пайка пища была ухудшена, появились частые заболевания, смертность среди заключенных в г. Казани за один апрель месяц с. г. выразилась в цифре 56 человек.

ЗА РУБЕЖОМ.

Военные суды во Франции.

Ведя пропаганду за полную амнистию лиц, совершивших военные преступления, «L'Humanite» сообщает ряд фактов, рисующих обстановку, при которой военные суды выносили свои приговоры.

«L'Humanite» от 9 мая описывает бунт на военном судне «Вольтер», который предназначался для участия в действиях, предпринятых против Советской России на Черном море.

Капитан судна, зная о растущем недовольстве матросов, предложил им избрать четырех делегатов для переговоров с ним, обещая заранее, что против них не будет предпринято никаких карательных мер.

Между делегатами и капитаном было достигнуто соглашение, что внесло в среду матросов полное успокоение.

После этого, как и обещал капитан, началась долгожданная демобилизация.

Через несколько дней, однако, 32 матроса были отправлены на работы, на берег, где всех их арестовали и посадили в тюрьму.

Их предварительное заключение длилось с июня по сентябрь, когда, наконец, они предстали перед военным судом.

На заседании, которое продолжалось четыре часа и на которое не была допущена защита, десять мат-

росов были приговорены к тюремному заключению на различные сроки, а трое из них к 20 годам. При этом военным судом были нарушены все требования закона, так, напр., председательствовал гомотник капитана «Вольтера», который являлся, таким образом, одновременно и судьей и обвинителем.

Кроме того, один из приговоренных к 20 годам тюремного заключения, Роллан, во время волнений на судне работал на своем посту, как машинист. Ясно, что участвовать в бунте он не мог и был осужден только за то, как заявил ему председатель военного суда, что он, зная о готовящемся возмущении, не донес об этом.

«L'Humanite» вместе с тем, интересуясь судьбой лиц, подпавших под частичную амнистию, произвело анкету, результаты которой были следующие.

Пять матросов, участвовавших в бунте на Черном море и помилованных впоследствии, были переведены в военные отряды. Эти отряды являются военными только номинально, на самом деле они выполняют каторжные работы. Помилованные матросы работают в одной из французских колоний в Африке в конях, часто по пояс в воде и подвергаясь ужасному режиму.

Не в меру жестокие приговоры военных судов бывают в некоторых случаях чрезвычайно мягки. Так напр., «Progres Civique» от 24 марта приводит одно дело, разобранный в Казабланке (Африка). Обвинялись два унтер-офицера (француз и туземец) в нанесении двум солдатам туземцам ран и побоев, повлекших за собой смерть одного из них.

Эти два солдата были арестованы по подозрению в совершении краж из кассы взвода. С целью добиться от них признания оба унтер-офицера подвергали их всевозможным пыткам. В течение трех

дней их всячески пытали и избивали плетью и палками. Затем они были брошены в кордеб, где их подвергали также пытке раскаленным железом. На четвертый день один из арестованных скончался.

Показания свидетелей на суде не оставляли сомнений в виновности обвиняемых, да и сами они не отрицали своей вины, стараясь все объяснить сильным волнением и гневом, вызванными кражей.

Обвиняемые были условно приговорены к двум годам заключения и в настоящее время продолжают служить во французской армии.

СУД НА БОРЬБУ С ГОЛОДОМ.

Судебно-следственный отдел тульского совнарсуда сообщает, что парсудами 6-го уч. Ефремовского уезда в апреле при рассмотрении уголовных дел было наложено взысканий в пользу голодающих Поволжья в размере 15 пудов ржи.

Выездной сессией народного суда 2-го уч. Повенецкого уезда, Олонецкой губ., были наложены взыскания в пользу голодающих, всего на сумму 9.500.000 р.

Убюст г. Елатмы Тамбовской губ. сообщает, что с 1-го января по 1-е апреля 1922 года народными судами уезда посредством наложенных взысканий в пользу голодающих было собрано: 229 п. 24 ф. продовольствия, 13 овец, 3 телки, одна корова и одна свинья.

Народный суд Вотской автономной области сообщает, что на собрании работников юстиции гор. Ижевска от 28/IV—22 г. по вопросу о борьбе с голодом были приняты следующие меры:

1) народные суды при вынесении обвинительных приговоров обязательно должны присуждать обвиняемых, наряду с другими наказаниями, а также взамен более легких наказаний, к уплате штрафов в пользу голодающих в зависимости от средств осужденных,

2) обязать всех судработников производить в помещениях органов юстиции сборы добровольных пожертвований по особым поднесенным листам, получаемых из обкомплонгола,

3) отчислять известный процент заработка и процентов с довольственного пайка.

Кроме того, в своем циркуляре, разосланном по всей области, совнарсуд вменяет судработникам в обязанность устройство платных концертов, спектаклей в пользу голодающих.

В виду того, что участвовавшие кражи церковных ценностей в связи с изъятием последних грозят сры-

вом дела помощи голодающим, всем органам юстиции предписано установить строжайшее наблюдение за производством следствия по этим делам. Все эти дела рассматриваются в особых сессиях народного суда без всякой очереди.

Калужский губокрот сообщает, что судебно-следственными учреждениями Калужской губернии с 1 января по 15-е мая путем штрафов, налагаемых в пользу голодающих, было собрано: 3.202.680.000 руб., 606 пудов муки, 49 мер картофеля и 5 овец.

Кроме того, работниками юстиции было добровольно отчислено в пользу голодающих 97.935.902 рубля и в пользу детского дома детей Поволжья 16.203.515 рублей. Ими пожертвовано также 25 пудов муки, 34 пуда овса и около 2 пудов других продуктов.

Череповецкий ревтрибунал сообщает, что в апреле было наложено штрафов в пользу голодающих на 55.000.000 рублей и на 170 пудов ржи. В мае же месяце было взыскано 100 пудов ржи.

Народным судом 8-го участка Сызранского уезда, Симбирской губернии в пользу голодающих был взыскан штраф в размере 10.000.000 рублей.

Иваново-Вознесенское бюро юстиции сообщает, что по 25-ое мая через посредство штрафов, налагаемых в пользу голодающих, собрано 400.70.0000 рублей.

Народный суд Сокольнического района г. Москвы, с января по май месяц 1922 г. собрал посредством штрафов 340.000.000 рублей и 19 пуд. 15 фунтов хлебных продуктов. Все собранное сдано в районный комплонг.

Т. т. судьи, не покладайте энергии в деле помощи голодающим.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Александровскому убюсту. Решения народных судов о выселении из квартир вследствие неправильного пользования помещениями подлежат исполнению совершенно так же, как и все другие решения судов. В виду затруднительности приискация помещения для выселяемых им по обстоятельствам дела должен быть назначен тот или иной срок на подыскание помещения. По истечении предоставленного срока выселение должно быть осуществлено обязательно.

Гр-ке Е. И. Ч-й, гор. Ковров. Народные судьи, по общему правилу, не должны занимать должностей по совместительству. Однако, в случае острой недостатка в юридических силах в той или иной местности народные судьи могут занимать по совместительству должности юрисконсультов, но только в государственных учреждениях и предприятиях и при том с особого каждый раз разрешения президиума совнарсуда. Быть юрисконсультами частных предприятий,

а также заниматься дачей платных юридических советов, народные судьи безусловно не могут.

Гр-ну Тих-ву, гор. Рославль. До настоящего времени особых узаконений, которыми бы предоставлялось право народным судьям или народному суду палатать дисциплинарные взыскания в форме выговора или ареста на нарушителей порядка в зале судебного заседания, нет. Народный суд тем не менее мог удалять лиц, нарушающих порядок в зале заседания, пользуясь ст. 66 Положения о народном суде, а также привлекать виновных в серьезном нарушении порядка к уголовной ответственности.

Уголовно-Процессуальный Кодекс устанавливает, что при неподчинении распоряжениям председательствующего в судебном заседании присутствующими в зале заседания лицами председательствующий может удалить этих лиц из зала заседания. Помимо этого, суд может наложить на этих лиц взыскание в виде штрафа и даже ареста до двух недель. Постановления эти никакому обжалованию не подлежат.

Нарследователю 3 района (Цариц. губ.). Если возбуждается уголовное дело о лжесвидетель-

стве свидетелей, дававших показания по гражданскому делу, судебный орган, ведущий это уголовное дело, обязан сообщить об этом суду, в котором производится гражданское дело. По получении этого извещения, народный суд (или совнарсуд), в производстве которого находится гражданское дело, должен немедленно приостановить производство гражданского дела, если решение зависит от свидетельского показания, до окончательного разрешения дела уголовного. Если по гражданскому делу было допущено предварительное исполнение, подлежащий суд должен обсудить вопрос о приостановке исполнения.

Если дело о лжесвидетельстве возникнет после того как решение по гражданскому делу войдет в законную силу, потерпевшая сторона имеет возможность восстановить свои законные права и интересы путем возбуждения, по окончании уголовного дела и установлении уголовным приговором факта лжесвидетельства, ходатайства перед Народным Комиссариатом Юстиции о пересмотре гражданского дела ввиду вновь открывшихся обстоятельств в порядке п. 6 ст. 4 Положения о Высшем Судебном Коллеге (Собр. Узак. 1921 г., № 15, ст. 97).

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Положение о прокуратуре.

Постановление III сессии ВЦИК.

В целях осуществления надзора за соблюдением законов и в интересах правильной постановки борьбы с преступностью III сессия ВЦИК постановляет:

1. Учредить в составе Народного Комиссариата Юстиции государственную прокуратуру.

2. На прокуратуру возложить:

а) осуществление надзора от имени государства за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений;

б) непосредственное наблюдение за деятельностью следственных органов дознания в области раскрытия преступлений, а также за деятельностью органов Госполитуправления;

в) поддержание обвинения на суде;

г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей.

3. Во главе прокуратуры в качестве Прокурора Республики стоит Народный Комиссар Юстиции. В непосредственном заведывании Прокурора Республики находится входящий в состав Народного Комиссариата Юстиции Отдел Прокуратуры.

4. При Прокуроре Республики в числе, определенном штатами, состоят его помощники. Помощники Прокурора Республики утверждаются и отзываются Президиумом ВЦИК по представлению Прокурора Республики.

5. В непосредственном подчинении Прокурора Республики в каждой губернии и области состоит прокурор по назначению Прокурора Республики,

как из работников центра, так и из числа кандидатов, выдвигаемых руководящими местными органами. Увольнение, перемещение и отстранение от должности прокурора производится Прокурором Республики.

6. При губернских прокурорах состоят назначаемые и отзывающиеся Прокурором Республики по представлению прокурора соответствующей губернии или области помощники прокурора, соответственно распределяющего между ними лежащие на прокуратуре в пределах губернии или области обязанности. Число помощников прокурора определяется штатами, положенными для каждой губернии или области.

7. При реввоен трибуналах и военно-транспортных рев трибуналах состоят: военные прокуроры, непосредственно подчиненные помощнику Прокурора Республики, состоящему при Верховном Трибунале ВЦИК.

Военные прокуроры назначаются, увольняются и перемещаются Прокурором Республики.

8. В автономных республиках прокурор соответствующей республики назначается и отзывается ЦИК'ом той же республики и располагает всеми подлежащими правами в пределах данной республики, кроме вопросов общесоюзного законодательства, по которым прокуратура автономных республик подчинена и подотчетна Прокурору РСФСР.

В автономных областях прокуратура автономной области организуется и действует на основаниях, тождественных с организацией и деятельностью прокуратуры при губисполкомах.

9. На Прокурора Республики возлагается:

а) наблюдение за законной деятельностью всех Народных Комиссариатов и иных центральных учреждений и организаций и предложение об отмене или изменении изданных ими несогласных с законом распоряжений или постановлений;

б) опротестование указанных выше распоряжений и постановлений в Совнарком и Президиум ВЦИК на предмет их отмены; принесение протеста Прокурором не приостанавливает, однако, проведения в жизнь опротестованного постановления или решения;

в) руководство и наблюдение за деятельностью помощников Прокурора Республики, а также прокуроров и их помощников на местах, и дача им разъяснений и указаний по всем возникающим в их деятельности вопросам;

г) непосредственное осуществление функций прокуроров в тех случаях, когда Прокурором Республики это будет признано необходимым.

10. Прокурор Республики представляет ежегодно в Президиум ВЦИК отчеты о своей деятельности и всех подведомственных ему прокуроров.

11. В круг обязанностей прокуроров на местах входит:

а) входить с представлением в исполкомы об отмене или изменении изданных ими или подчиненными им органами несогласных с законом распоряжений и постановлений;

б) опротестовывать указанные выше распоряжения и постановления через Прокурора Республики в Совнарком или Президиум ВЦИК; принесение протеста прокурором, равным образом, не приостанавливает проведения в жизнь опротестованного постановления.

12. Прокурор имеет право присутствовать на всех заседаниях местных исполкомов с совещательным голосом.

13. В области борьбы с преступностью на прокуратуру возлагается:

а) возбуждение судебного преследования против должностных и частных лиц, как по собственной инициативе, так и по поступающим к ней жалобам и заявлениям;

б) надзор за производством дознания и предварительного следствия и дача указаний и разъяснений органам дознания и предварительного следствия по вопросу о мере пресечения, а равно и по другим связанным с предварительным следствием вопросам;

в) разрешение вопросов о предании суду и прекращения дел, поступающих к ней от органов дознания; предложения прокуратуры о предании суду по данной категории направляются непосредственно в суд;

г) утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым произво-

дилось предварительное следствие, составление обвинительного акта и постановление о прекращении дела и в случаях несогласия прокурора с заключением следователя направление таковых в распорядительное заседание суда для окончательного утверждения;

д) участие в распорядительных заседаниях суда по вопросам о предании суду и прекращении дел во всех тех случаях, когда прокуратура признает свое личное участие в этих заседаниях необходимым;

е) поддержание обвинения на суде;

ж) опротестование в кассационном порядке приговоров и определений, выносимых судом, а также опротестование в порядке высшего судебного контроля вошедших в законную силу приговоров судов первой инстанции и кассационных решений советов народных судей;

з) проверка правильности содержания под стражей во всех без исключения местах лишения свободы и освобождение лиц, неправильно содержащихся.

14. Прокурор осуществляет предоставленные ему права, как лично, так и через своих помощников.

15. Прокурор вправе требовать от всех действующих в губернии административных учреждений и должностных лиц необходимые ему сведения и материалы, каковые требования являются для означенных учреждений и лиц обязательными.

Примечание: Органы Госполитуправления, признавая то или иное дело имеющим особо секретный характер, вправе требовать, чтобы ознакомление с делом производилось непосредственно самим прокурором.

16. Прокурор представляет каждые три месяца отчет о деятельности своей и своих помощников Прокурору Республики и в губисполком.

17. Военная прокуратура, состоящая при военных и военно-транспортных ревтрибуналах, осуществляет права прокуроров в отношении учреждений и должностных лиц военного ведомства, ж. д. и водного транспорта в тех местах, где нет общей прокуратуры или где военные и транспортные учреждения и должностные лица соответствующих ведомств изъяты из ведения губернского прокурора.

18. С изданием настоящего положения все обязанности, лежащие до сего времени на отделах юстиции и возлагаемые настоящим положением на органы прокуратуры, переходят в исключительное ведение последних.

Председатель ВЦИК **М. Калинин.**

Секретарь ВЦИК **А. Енукидзе.**

Москва, Кремль, 28 мая 1922 года.

(Опубл. в № 132 «Изв. ВЦИК» от 16/VII—1922 г.).

Положение об адвокатуре.

Постановление III сессии ВЦИК.

Во изменение Положения о Народном Суде от 21-го октября 1920 года (Собр. Узак. 1920 г., № 83, ст. 407) III Сессия ВЦИК постановляет заменить ст.ст. 43—49 означенного Положения следующими статьями:

Ст. 43. При губернских отделах юстиции образуются коллегии защитников по уголовным и гражданским делам. Деятельность коллегии защитников регулируется особым положением.

Ст. 44. Члены коллегии защитников первого

состава утверждаются президиумом губисполкома по представлению губернского отдела юстиции. В дальнейшем прием членов в коллегию производится президиумом коллегии с доведением о приеме до сведения президиума губисполкома, коему предоставляется право отвода принятых новых членов коллегии.

Примечание: Члены коллегии защитников не могут занимать должности в государственных учреждениях и предприятиях. Исключение допускается 1) для лиц, занимающих государственные должности по выборам, и 2) для профессоров и преподавателей юридических наук.

Ст. 45. Общее собрание членов губернской коллегии защитников избирает из своей среды президиум коллегии.

Ст. 46. На президиум коллегии защитников возлагается:

а) наблюдение и контроль за исполнением защитниками своих обязанностей;

б) наложение дисциплинарных взысканий на членов коллегии с правом обжалования заинтересованными лицами в соответствующий губисполком постановлений президиума коллегии;

в) распоряжение денежными суммами, поступающими в фонд коллегии в порядке ст. 48-й;

г) назначение бесплатной защиты и защиты по таксе в порядке п.п. «а» и «б» ст. 47-й;

д) организация консультаций для оказания юридической помощи населению по заданиям губернского отдела юстиции.

Ст. 47. Оплата труда защитников производится на следующих основаниях:

а) лица, признанные особыми постановлениями народного суда неимуществами, от всякого вознаграждения защитников по уголовным и гражданским делам освобождаются;

б) рабочие государственных и частных предприятий и служащие советских учреждений и предприятий имеют право оплачивать услуги защитников по таксе, устанавливаемой Наркомюстом;

в) во всех остальных случаях вознаграждение защитнику определяется соглашением его с заинтересованной стороной.

Ст. 48. Защитники вносят из своего вознаграждения процентное отчисление, устанавливаемое Наркомюстом, в фонд коллегии защитников на расходы по содержанию президиума коллегии и по организации юридических консультаций.

Ст. 49. Кроме членов коллегии защитников, допускаются к защите близкие родственники обвиняемого или потерпевшего, уполномоченные представители государственных учреждений и предприятий, а равно ВЦСПС, Центросоюза и других профессиональных и общественных организаций. Иные лица допускаются только с особого разрешения суда, в производстве коего находится данное дело.

Председатель ВЦИК **М. Калинин.**

Секретарь ВЦИК **А. Енукидзе.**

Москва, Кремль, 26 мая 1922 года.

(Опубл. в № 132 «Изв. ВЦИК» от 16/VI—1922 г.).

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 48

Всем отделам Юстиции, Совнарсудам и Ревтрибуналам.

О введении в жизнь Уголовного Кодекса.

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета утвержден и введен в действие с 1-го июня с. г. на всей территории РСФСР Уголовный Кодекс, который опубликован в № 15 от 1-го июня с. г. в «Собр. Уз. и Расп.» и разослан Издательским Отделом НКЮ по всем судебным органам РСФСР.

В виду того, что Уголовный Кодекс вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом являются основами работы судебных органов, всем отделам юстиции, совнарсудам и ревтрибуналам надлежит принять срочные меры к тому, чтобы Уголовный Кодекс был проведен в жизнь и чтобы все постановляемые судебные приговоры всецело были согласованы с требованиями этого Кодекса.

Недостаточно убедиться в том, что каждый судебный орган получил экземпляр Уголовного Кодекса. Необходимо помимо этого созыв губернских и уездных совещаний судебных работников, которые могли бы путем обмена мнений выяснить все возникающие у них вопросы, связанные с применением Уголовного Кодекса. Для изучения Кодекса потребуется известное время, почему рекомендуется устраивать такие совещания периодически, как в губернии, так и в уездах, и органи-

зовать особые семинарии под руководством опытных товарищей из числа работников юстиции.

Все судебные работники должны проникнуться мыслью, что знание Уголовного Кодекса является необходимым условием пребывания на занимаемых должностях и что все приговоры судебных органов, вынесенные с нарушением Уголовного Кодекса, будут неуклонно отменяться кассационными инстанциями.

Необходимо принять во внимание:

1) Согласно постановления ВЦИК с момента вступления в силу Уголовного Кодекса (с 1-го июня с. г. отпадает действие всех иных норм, устанавливающих до момента его введения основания и размер уголовных наказаний. Уголовный Кодекс должен применяться по отношению ко всем преступным деяниям, нерассмотренным в суде до введения его в действие.

2) Уголовный Кодекс устанавливает достаточно широкие рамки для того, чтобы суд по своему социалистическому правосознанию в зависимости от особенности того или иного дела вынес более суровый или более мягкий приговор на основании руководящих начал и статей Уголовного Кодекса. Но никакие отступления от Уголовного Кодекса, им не предусмотренные, являются недопустимыми.

3) В тех случаях, когда Кодексом устанавливается минимум, не ниже такого-то срока лишения

свободы, суд может назначать наказание лишением свободы до 10 лет, а если установлено—не ниже такого-то срока принудителен без содержания под стражей—то определять таковые до 1-го года. В тех случаях, когда Кодексом устанавливается максимум не выше такого-то срока, означенный срок ни в каком случае судом повышаться не может. При понижении наказания лишение свободы во всяком случае не может назначаться на срок менее 6-ти месяцев, а принудительные работы без содержания под стражей—на срок менее 7-ми дней.

4) Под высшей мерой наказания, там, где это указано ст. ст. Уголовного Кодекса, надлежит понимать лишение свободы на 10 лет. Революционные трибуналы в соответственных случаях вместо таковой высшей меры, на основании ст. 33 Уголовного Кодекса, могут применять расстрел.

5) По общему правилу наказание и другие меры социальной защиты могут применяться судами лишь в отношении деяний, точно указанных в Уголовном Кодексе. Изъятие из этого правила допускается лишь в тех исключительных случаях, когда деяние подсудимого, хотя точно и не предусмотрено Уголовным Кодексом, но суд признает его явно опасным с точки зрения основ нового правопорядка, установленного рабоче-крестьянской властью, но не законов свергнутых правительств. В этих случаях наказания и меры социальной защиты применяются согласно ст.ст. Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления с соблюдением правил общей части Уголовного Кодекса.

6) Замена штрафа лишением свободы и замена лишения свободы штрафом безусловно не допускается. На случай уклонения осужденного от уплаты наложенного взыскания суд может постановить об обращении взыскания на имущество осужденного, а также о замене штрафа принудительными работами без лишения свободы.

При проведении в жизнь Уголовного Кодекса Народный Комиссариат Юстиции предлагает руководствоваться нижеследующими правилами:

а) по всем приговорам, где суд в исключительных случаях согласно ст. 28 Уголовного Кодекса назначит наказание ниже низшего предела наказания, установленного в соответствующей данному преступлению ст. Угол. Кодекса или перейдет к другому менее тяжкому роду наказания, в этой статье не обозначенному, копия мотивированного приговора должна в трехдневный срок, с момента вынесения приговора, препровождаться прокурору, а до введения в действие положения о Прокуратуре заготовку.

б) по делам, находящимся до введения в действие Кодекса в производстве судов и касающимся обвинений в нарушения обязательных постановлений, изданных в административном порядке, если нарушения эти не предусмотрены Уголовным Кодексом, суд применяет наказания, установленные обязательными постановлениями;

в) все дела, не рассмотренные до 1-го июня, о преступлениях, совершенных лицами в возрасте от 16 до 18 лет, передаются из комиссии по делам несовершеннолетних в нарсуд;

г) в отношении всех лиц, осужденных до введения в действие Уголовного Кодекса за деяния, которые по Уголовному Кодексу не могут счи-

таться преступными, или отбывающих наказание, резко несоответствующее по своей тяжести требованиям Уголовного Кодекса, подлежащие судебным органам обязаны по заявлениям этих лиц, их близких или организаций и учреждений, а также распределительных комиссий, рассмотреть вопрос о досрочном освобождении, не ожидая истечения половины срока, назначенного осужденному наказанию. Во всех постановлениях о досрочном освобождении по таким делам, судебные органы обязаны подробно мотивировать, в чем именно усматривается несоответствие назначенного осужденному наказания Уголовному Кодексу.

О всех сделанных во исполнение настоящего циркуляра распоряжениях и принятых мерах отделы юстиции должны представить подробный доклад в НКЮ.

Народный Комиссар Юстиции Курский.

8-го июня 1922 года.

Циркуляр № 44.

Всем Отделам Юстиции.

О внеочередности производства расследований по поручениям ВЦИК, СНК и СТО.

В целях срочного выполнения поручений ВЦИК, Совнаркома и СТО по производству расследования тех или иных дел Наркомост предлагает всем отделам юстиции в тех случаях, когда им передаются для расследования или для производства отдельных следственных действий те или иные дела, производство расследования по которым возникает по инициативе ВЦИК, Совнаркома и СТО, производить означенные расследования или выполнять отдельные следственные действия во внеочередном порядке, принимая все зависящие меры к тому, чтобы дела были закончены и представлены по назначению в самый кратчайший срок.

О сделанных во исполнение настоящего циркуляра распоряжениях надлежит срочно сообщить в Народный Комиссариат Юстиции.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

8 июня 1922 года.

Циркуляр № 45.

Всем Отделам Юстиции.

Об изменении классификации преступлений в ведомостях о движении дел и о числе осужденных.

В изменение циркуляра от 3 декабря 1921 года за № 68 и приложенной к нему инструкции в части, касающейся заполнения ведомостей о движении дел и о числе осужденных, Наркомост уведомляет, что приведенная в означенной инструкции классификация преступлений, показываемых нарсудами в ведомости Б, а также нарследами и ревтрибуналами в соответствующих ведомостях, подлежит изменению согласно новому Уголовному Кодексу РСФСР в том отношении, что вместо шести групп, указанных в инструкции,

преступления должны разделяться на восемь групп, а именно:

1) Контр-революционные преступления—ст. ст. 57—73 Уг. Кодекса.

2) Преступления против порядка управления—ст. ст. 74—104 Уг. Кодекса.

II. Должностные преступления—ст. ст. 105—118 Уголовного Кодекса.

III. Нарушение правил об отделении церкви от государства—ст. ст. 119—125 Уголовного Кодекса.

IV. Преступления хозяйственные—ст. ст. 126—141 Уголовного Кодекса.

V. Преступления против жизни, здоровья и достоинства личности—ст. ст. 142—179 Уг. Кодекса.

VI. Имущественные преступления—ст. ст. 180—199 Уг. Кодекса.

VII. Военские преступления—ст. ст. 200—214 Уг. Кодекса.

VIII. Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок—ст. ст. 215—227 Уг. Кодекса.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

8 июня 1922 года.

Циркуляр № 46.

Разъяснение НКЮ.

О порядке применения декрета о национализации запасов книг.

В виду возникших недоразумений относительно порядка применения декрета СНК от 20 апреля 1920 г. о национализации запасов книг и иных печатных произведений (С. У. 1920 г., № 142, ст. 187), Совет Народных Комиссаров 23 мая с. г. постановил поручить Народному Комиссариату Юстиции издать соответствующее разъяснение.

Во исполнение означенного постановления Народный Комиссариат Юстиции разъясняет:

1. Действие декрета СНК от 20 апреля 1920 г. распространяется на все запасы книг и иных печатных произведений (кроме библиотек), но не распространяется на аппараты производящие (книгоиздательства, частные или кооперативные, литературных и просветительных обществ), запасы которых на общем основании поступают в Наркомпрос для распределения через его органы (ст. 1-ая декрета и примечание к ней).

2. Под аппаратами производящими следует разуметь книгоиздательства, продолжавшие ко времени опубликования декрета, от 20 апреля 1920 г. издавать в качестве контрагентов Наркомпроса и сдавать последнему книги для распределения через его органы.

3. Декрет, таким образом, стремится не парализовать в дальнейшем производственной деятельности частных издательств, почему и не должен быть распространяем на рукописи, находящиеся в портфеле издательств, клише и книги, находящиеся в печати к моменту опубликования декрета, а равно все

книги и др. печатные произведения, изданные после опубликования декрета от 20 апреля 1920 г.

4. Запасы же книг и др. печатных произведений, изданных до 20 апреля 1920 г., поступившие в торговые аппараты издательств (склады, магазины) являются, в силу упомянутого декрета, собственностью государства.

Народный Комиссар Юстиции

Курский.

9 июня 1922 года.

Всем губкомиссиям по проведению амнистии согласно международных договоров, заключенных Р. С. Ф. С. Р.

О ликвидации Межведкома.

Межведомственная комиссия по договорным амнистиям при ВЦИК предлагает принять к сведению и немедленному исполнению постановление свое от 6 июня 1922 года по вопросу о ликвидации межведкома и губкомиссий ввиду окончания работы.

Межведомственная комиссия постановила:

1) работу считать законченной, комиссию ликвидировать, представив отчет о деятельности в Президиум ВЦИК.

2) Все постановления Межведкома, имеющие факультативный характер, должны проводиться в жизнь в отношении латвийских, литовских, эстонских и финляндских граждан Наркоминделом, в отношении польских граждан российско-украинской делегацией по делам репатриации в г. Москве.

3) Для разрешения единичных дел, как вновь возникающих, так и по которым Межведкомом не было вынесено постановлений из-за отсутствия надлежащих данных по делу, НКЮ и российско-украинская делегация направляют весь материал в НКЮ на заключение и соответствующее распоряжение о передаче заключенного, если таковой подпадает под действие соответствующих статей мирных договоров, в распоряжение НКЮД или РУД, при чем весь материал представляемый в НКЮ на заключение безусловно должен в себе заключить:

а) копию приговора или постановления, по которым можно установить характер преступления и время его совершения;

б) ходатайство о применении амнистии или требование о выдаче заключенного от иностранного правительства;

в) документы, бесспорно устанавливающие иностранное гражданство.

4) Сообщить о ликвидации Межведкома всем губкомиссиям по договорной амнистии, предложив им ликвидироваться.

5) Просить Народный Комиссариат Юстиции хранить архив Межведкома. Печать и штампы и сдать в Народный Комиссариат Юстиции.

Зам. председателя Межведкома **Якубович.**

7 июня 1922 года.

ЖУРНАЛ „РЕВОЛЮЦИЯ И ЦЕРКОВЬ“.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

№ 1—3 = 1922 года. = № 1—3

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Голод и христианство. <i>П. Красиков.</i>	8. Суд над Хедером, <i>И. Славина.</i>
2. Сверхестественная сила. <i>П. Красиков.</i>	9. Хроника 5 го Отдела.
3. О секуляризации церковного имущества в Русской церкви в XVIII веке <i>Г. Янова.</i>	10. Судебные процессы.
4. Черный Собор или заговор против Раб.-Крестьянск. России. <i>П. Красиков.</i>	11. Действия и распоряжения Правительства.
5. Трудовое сектанство. <i>П. Красиков.</i>	12. Книжная полка.
6. Наука и шарлатанство. <i>П. Семашко.</i>	13. Провинциальное обозрение. <i>А. Филиппов.</i>
7. Буржуазный фетишизм. (Письмо в редак.)	14. Отчет о деятельности 5-го (Ликвидационного) Отдела Народного Комиссариата Юстиции.

Цена № 1—3 . . . . . 50 руб. дензнаками 1922 г.

Адрес Редакции и Склада: Москва, Наркомюст, Рождественка д. № 9.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

== на ==

„Еженедельник Советской Юстиции“.

Условия подписки с 1 июля 1922 г.:

за 12 номеров в Москве без доставки 275 руб. дензнаками 1922 г.

„ 12 „ „ „ с доставкой 300 „ „ „ 1922 „

„ 12 „ „ провинции „ 300 „ „ „ 1922 „

Подписка принимается до 1-го июля с. г. в Главной Конторе изданий Наркомюста. Адрес: Москва, Рождественка, д. 9.

На вышедшие до 1 июля с. г. номера „Еженедельника“ подписка не принимается. Оставшиеся на складе в небольшом количестве номера высылаются наложенным платежом.

Поправка: В объявление о подписке в предыдущем номере вкрались опечатки: напечатано: „Подписка принимается до 1 июня“ и „условия подписки до 1 июня“. Следует читать: . . . до 1 июля.